Сончи Рейв

АНТИ-ТЫ

18+

Сончи Рейв
Анти-ты

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63432247
Сончи Рейв. Анти-ты: АСТ; Москва; 2020
ISBN 978-5-17-121150-9

Аннотация

Тома Станникова – стендап-комик, известная шутками про своего загадочного «бывшего». Из-за одного неудачного выступления, сырных наггетсов и вирусного ролика ее жизнь идет под откос. Неожиданно Тома получает заманчивое предложение от Дианы Новак – матери ее бывшего одноклассника, который в школьные годы издевался над ней. Диана предлагает Томе поехать на месяц в Данию, чтобы присмотреть за ее сыном: у Акселя тяжелая форма депрессии, он уже третий месяц не встает с кровати, но за все это время он один раз улыбнулся во время ее выступления. Тома отправляется в Данию, даже не собираясь исполнять обязанности заключенного с его семьей договора. Но план мести отпадает сам собой, когда она встречается с Акселем…

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Суть тусы 9
Глава 2. Сырные наггетсы 62
Глава 3. Мыш (кродеться) 86
Конец ознакомительного фрагмента. 122

Сончи Рейв
Анти-ты

© Сончи Рейв, 2019
© Ксения Пономаренко, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Это было смешно до коликов в животе и грустно до неконтролируемых слез и всхлипов. Книга, не похожая ни на что, и в то же время в ней столько хорошо знакомой нам жизни. Возможно, не каждый поймет. Я поняла и предлагаю рискнуть и вам.

Дана Делон, автор романов «Непрожитая жизнь», «Падающая звезда», «Артур, Луи и иАдель»

Открывешь книгу, читаешь и думаешь о том, что в твоей голове поставили датчик… Это мысли, которые преследуют каждого. Это проблемы, которые все пытаются для себя решить. Депрессия и стендап? С помощью таких парадоксов автор раскрывает ответы на многие мучающие читателей вопросы.

Инстаграм-блогер anaswon

Читать «Анти-ты словоно есть соус табаско – очень уж остро, но привыкаешь и становится прикольно. Редко мож-

но встретить настолько раскрепощенный текст… Потрясающая и трогательная история о всем спектре человеческих эмоций.

Инстаграм-блогер raccoon_demigod

* * *

Посвящается очереди к туалету в баре «Сосна и Липа»

Пролог

– Кем ты хочешь стать, когда вырастешь?
– Мемом.
– Ты не понял вопроса.
– Вы не поняли жизни.

В этом видео не было ничего особенного. Криво закрепленная камера: может, фронталка ноутбука, может, планшета. Освещение ни к черту. Блевотные зеленые обои с мерзким узором оконной изморози, присыпанные пошлыми блестками. Девушка в простой растянутой футболке. Ни косметики, ни укладки. Хмурое сонное лицо, уставшее, типичное, ну такое – идеальное для метро.

Она произносит совершенно обыденно, без доли истерики или чувственности, безмерно устало, как в серое рабочее утро понедельника:

– Я так больше не могу.

Пожимает треугольными плечами. Смотрит куда-то вбок.

Это все какая-то неинтересная картинка. Слишком хочется пролистнуть дальше.

– Каждая секунда кажется невыносимой, – она монотонно перечисляет, словно тонет в скуке, и из-за этого смысл слов как-то теряется.

– Я закончилась.

Она достает пистолет. Какой-то бутафорский, прямиком из сериалов про бандитов.

Теперь он упирается между ее подбородком и шеей, и если вглядеться, то видно, как дуло нежно продавливает кожу.

Она говорит все с той же интонацией:

– Мне кокосовый фраппучино.

А затем звук – оглушающий, резкий. Меньше секунды – и видишь ее отлетевшую назад голову, за которой образуются черные пятна. Картинка запаздывает, немного фонит.

Не успеваешь ничего осознать или хотя бы попытаться это сделать, как экран темнеет – и видишь и слышишь: «Directed by Robert B. Weide»

Просмотры: 4 007 688 нравится boobarash и x_sonchy

username1: Очень жаль. Видел ее выступление на порнхабе. Удивительный комик. Единственная смешная женщина.

username0: А-ХА-ХА-ХА-ХУА-ХАХ ОСТАНОВИТЕ МОЙ ОР

username2: Да это анонс к ее сольнику.

username3: Слышали, что вроде из-за ее выступления разорилась та компания антидепрессантов?

username3: С зубом, конечно, жестко

username7: Я сам долго глотал эти таблетки, и зубы выпадали. Думал, что с зубами проблема, а потом понял, что вообще ни фига подобного.

username: Блин, а я думал, что с зубом прикол такой. Что это подстава.

username5: Блин, «Чаек-кофеек» совсем охренел, если это их новая реклама

username4: Суициднись и получи кокосовый фрап-пучино в подарок LOL

username82: НАКРУТКА ПОДПИСЧИКОВ БЕЗ ОБМАНА ОБРАЩАТЬСЯ…

username13: Капец хайп на костях

username21: Да это фейк. Она ж не могла мертвая это смонтировать и выложить

username12: Ждем статью на медузе ахаха

username667: Я тебя люблю

Посмотреть все комментарии (110 824)

Глава 1. Суть тусы

Все счастливые тусовки похожи друг на друга, каждая несчастная тусовка несчастна по-своему.

– Я заметила, что у всех парней, которые мне нравились, не было отца. И я поняла, – произношу я с нарочитым душещипательным пафосом, – что хочу заменить им отца. Ездить с ними на рыбалку, – медленно перечисляю, шагая по сцене, – смотреть с ними футбол, – еще пару шагов в другую сторону, – трахать их мать.

Эта обманчивая убаюкивающая интонация не сразу дает зрителями понять, где именно прячется шутка. Им понадобилось две секунды, чтобы осознать и потом разразиться ленивым смехом. Летом вообще смеются неохотно, а в стендап-клубах народа в три раза меньше, чем в каком-нибудь феврале. Все сидят на улице, в рюмочной по соседству, гуляют, пьют и плодят свою комедию сами.

– Но пока у меня получается только уходить из семьи. – Людей в зале совсем немного, но у меня вечная тревожность. Мое выступление – четко продуманный график шагов и смешков, и в нем есть небольшая пауза между репликами, чтобы оценить свой результат. Прожекторы бьют по глазам, взгляд фокусируется не сразу. Все закомплексованно сели

подальше от сцены, и их реакция просто не долетает до меня – приходится всматриваться. – Хотя мой последний парень сам меня бросил. Но! Все прошло очень хорошо. Он мне так и сказал: «Я искренне благодарен тебе, наши отношения изменили мою жизнь», – опять наигранная восторженность. – И я такая: «О! Ты наконец-то решил перестать быть занудным мудаком?» – девочки за угловым столиком рассмеялись слишком громко. Поняла. Вот моя целевая. – А он такой: «Нет! – Я развожу руками и манерничаю, входя в образ. – Благодаря тебе я понял, что я гей».

Смех все-таки до меня доходит, но меня это уже не так волнует. За единственным занятым столиком в первом ряду сидит наистереотипнейший кавказец с излишне красивой барышней. Казалось бы, чего тут пялиться именно на них? Вот только этот кавказец, в каждом волоске неухоженной бороды которого кроется ДНК ярости предков и ретрограда, тут же сжимает губы от злости, стоило мне произнести «гей».

Я совру, если скажу, что меня это не заводит. Нет. Ну, то есть это вообще не мой типаж мужчин, наоборот. Меня заводит не он, а ситуация, и совсем не в сексуальном плане. Меня заводит, когда кто-то в зале начинает злиться. Внутри будто что-то щекочет от предвкушения. Правда, не очень понятно, предвкушения чего именно.

– И вот я не знаю, как к этому относиться. С одной стороны, это ведь можно считать за комплимент, да? – Опять переигранная неуверенность. А я все не могу оторваться от

этой парочки за первым столиком, где он уже сжимает кулаки. – А с другой стороны, интересно, в какой момент он посмотрел на меня и решил: «Лучше я буду трахаться в жопу с огромными волосатыми мужиками, чем с тобой»? – Кавказец цокает, что-то агрессивно говорит своей подруге, и я вглядываюсь в него с замиранием сердца. Крикнет он что-нибудь или молча встанет и уйдет? А может, залезет на сцену и даст мне в лицо? О, я уже вижу заголовок в каком-нибудь интернет-издании: «Кавказец ударил женщину-стендап-комика за шутку про геев». Нет, скорее, не ударил, а избил. Так будет драматичнее. Отлично. – И вот теперь я пустилась во все тяжкие и живу с четырьмя парнями. – Нет, этот кавказец точно что-то выкрикнет. – Вы спросите, страшно ли мне. Один раз мне действительно было страшно, когда кто-то из них шлепнул меня по заднице. Точнее, я испугалась потом, когда он сказал: «Ой, извини, я тебя с Витьком перепутал».

Вот теперь все смеются громко, даже этот кавказец. Самоуничижительный юмор работает на всех и всегда. Они сюда только и приходят, чтобы посмотреть на того, кто окажется хуже их.

Это мимолетное удовлетворение от громкого смеха тут же вытесняет из головы все выступление. Я теряю сцену, теряюсь сама и двигаюсь к блокноту на табуретке. Недоумевающе смотрю на жирную пометку «мама». Не знаю, на что я рассчитывала, когда думала, что смогу как-то связать тему своей непривлекательности с матерью. Разве что генетически.

Черт, а прикольная шутка. Можно будет попробовать, но не сейчас.

– Недавно ко мне приезжала мама. Я вымыла всю квартиру. Всю! – начала я громко и отчаянно. – Даже магнитики на холодильнике помыла! – Интересно, вспомнил ли кто-то, что это шутка из «Друзей»? – И вот она приехала, и началась программа «Ревизорро». Она, конечно же, перемыла за мной магнитики. И вот сидим мы с ней, пьем чай, как вдруг начинается: «Тамара, как ты можешь? Как ты так можешь? Разве это возможно?». Я спрашиваю: «Что, мам? Что?» – А теперь мое любимое: пародия на маму. – Как так можно, летом, – акцент на каждом слове, интонация максимально идиотская, – пить, – поднимаю палец вверх, – из кружки с зимней тематикой?

Хохот. Наконец-то. Боготворящий хохот. Совсем не летний, а прям февральский.

– Вообще мне кажется, что мама назвала меня Тамарой, – я все-таки отступаю от плана и случайно фыркаю. Казалось бы, за двадцать лет можно привыкнуть к имени, но нет, – Тамарой, мать его. В общем, она назвала меня Тамарой потому, что это имя удобно кричать. ТА-МА-РА! – Ну давай же, переигрывай, ори. – Отвратительное имя, да? Просто мерзотное. Его только и можно кричать. Но не во время секса, а когда посуду не домыла. И все-таки, знаете, в этом имени есть вот только один-единственный плюс. Какой? Плюс в том, что меня зовут не Галина. Все, всем спасибо, вы крутая публи-

ка! – Наглая ложь из вежливости. – С вами была ТА-МА-РА! – Истошно воплю я под жалкий шумок аплодисментов. На первой же ступеньке от сцены резко становится темно, и тут же вспоминаешь, что, вообще-то, все происходит в подвале. Пусть и на Камергерском, но в подвале.

Летом слишком дохло, особенно у нас в стендап-клубе. В городе остаются только вялые и безуспешные комики, у которых не хватило то ли денег на какую-нибудь Турцию, то ли мало-мальского успеха для тура по Беларуси.

Нас, комиков, осталось всего пятеро от основного состава, остальные добравшиеся до стендап-клуба – энтузиасты и начинающие. Раз за разом они приходят сюда, повторяя позор за позором, плохую шутку за плохой шуткой, словно в бесконечно зацикленном «коубе»[1].

Я лезу в карман джинсов и отключаю запись на телефоне. Выступление длилось пять минут сорок три секунды. Пять минут, выжатых за полгода неудачных выступлений и лицезрения скучающих физиономий. Вечером я вернусь домой, включу запись и попытаюсь сделать какие-нибудь выводы, в основном бессмысленные. Скорее всего, я просто посокрушаюсь, какой дебильный у меня голос, и выключу запись на половине.

– После выступления Тамары, – говорит Рома, ведущий

---

[1] Coub («куб/коуб») – основанный россиянами кипрский сайт-видеохостинг, позволяющий своим пользователям публиковать короткие зацикленные видеоролики с несинхронным звуковым сопровождением – «коубы».

сегодняшнего вечера, – я и сам задумался, не сменить ли мне ориентацию…

До сих пор не понимаю систему, по которой у нас выбирают ведущего на открытый микрофон. Так как я девочка, мне по гендерному признаку эта участь не грозит, поэтому не знаю, как именно парни решают, кто сегодня будет позориться. Тянут спички, бегают вокруг стульев под музыку? У меня есть теория, что ведущего выбирают по принципу «кто сегодня надел самые чистые джинсы».

А вот и остальные – вежливо похлопывают за стойкой. Взгляд Юры, самого старшего из нас, молниеносно переходит на меня. Он никогда не хлопает, его тонкие, покрытые слишком длинными волосами ручищи постоянно скручены в узел на груди. Как бы описать Юрия? Ну, он определенно напоминает тех парней, которые по вечерам устраивают чаепития с фарфоровыми куклами. Слишком высокий, слишком тощий, деформированный, как будто над ним неудачно изгалялись в фотошопе. Дебильные очки, редкие волосы с залысинами, дедовские рубашки на все пуговицы, туго стянутый ремень. Если заметишь его в парке, то неосознанно ускоришь шаг.

Рядом с ним Гоша – низкий и смуглый, напоминающий какого-то мексиканца. Он, наоборот, хлопает и улюлюкает, но делает так абсолютно всегда и всем – это не показатель качества выступления.

– Все хорошо, надо только подсократить.

Юрий – ни у кого не хватало смелости называть его просто Юра – был из старой школы комедии. В нулевых он даже выступал в ночных эфирах главных каналов. Слава была не оглушительной, но достаточной, чтобы превратиться в былую – и дать Юрию застрять на этом этапе. Как и все, он прошел через школу КВН, занялся сольной комедией, пробовал себя в написании сценариев, но смог создать себе только репутацию, а никак не успешную карьеру. Его здесь все уважали, но такая комедия заходила только сорокалетним мужикам, случайно покупающим билеты на выступления. На фоне молодых и перспективных он звучал невероятно скучно, в стиле сатириков, как Жванецкий. Он присоединился к стендап-клубу «Весло» по банальной причине: больше его никуда не брали. Особой популярностью он не отличался, выступал мало, и, видимо, на фоне этого самого комплекса Юра по старшинству провозгласил себя критиком.

– Мне кажется, отыгрыши – это не мое. – Я поддакиваю его критиканству, просто чтобы поддержать разговор. Бармен передает мне бокал пива: безалкогольное, которое я принесла из дома, но вежливо попросила перелить в местную пузатую кружку, чтобы создалось впечатление, что мне есть чем платить за слишком дорогое здешнее пиво.

– Вот это, что ли, лучше? – Юрий кивает на выступающего прямо сейчас Дурата, который скачет по сцене и поет на казахском, пародируя движения мальчиков из кей-поп-групп[2].

[2] K-pop – музыкальный жанр, появившийся в Южной Корее.

Публика сегодня явно не для экспериментальной комедии. В принципе, идея прикольная. Якобы если популярен кей-поп, то, может, популярен и казах-поп или поп-стан – не помню, как он назвал этот новый жанр. И вот сейчас он и пародирует эти группы, напевая что-то народное под ужасное кривляние с подтанцовкой.

Экспериментальная, или, как иронизировали сами комики, экскрементальная, комедия заходила только искушенным или тем, у кого выработалась привычка смеяться, чтобы снизить неловкость. Сегодняшняя ленивая публика не относилась ни к одной из этих категорий, только компания молодых девчонок – наверное, фанаток этих самых корейских групп – бесшумно и истерично смеялась.

– Я все равно думаю, что отыгрыши – это не мое, – повторила я, надеясь на ответ, что отыгрыши в комедии – как раз мое и зря я себе придумываю. – Я уже не знаю, может, надо переходить в дедпан[3].

Юрий нахмурился, припоминая, что это значит.

– Безэмоционалка, – подсказал Гоша. – Да не, хорошие отыгрыши. И вот это твое «ТА-МА-РА!» – клевая фишка.

С Гошей мы познакомились при странных обстоятельствах. В рамках фестиваля комедии нам двоим выпала честь участвовать в импровизированном Roast Battle: словесной комической перепалке, цель которой – основательно унизить своего оппонента. У нас с Гошей были только пара часов и

[3] Стиль безэмоционального рассказа материала.

страницы «ВКонтакте», чтобы найти аргументы для панчей[4]. Пока я возилась со всей доступной мне информацией, надеясь найти какой-то весомый довод для формального оскорбления, он пил пиво. В итоге его выступление содержало рекордное количество слова «вагина», истеричный хохот, да, в принципе, и все.

И он победил. Я готова была расплакаться, но вовсе не потому, что меня публично унизили, а потому что Гоша победил только из-за своей смешной манеры, ему вообще не приходилось прилагать усилия, чтобы кого-то рассмешить.

Я делю комиков на две условные категории: смешные и остроумные. Остроумные – это те, кто подолгу сидит над своим материалом, высчитывает каждую шутку, думает над структурой, темой, вечно хочет за шутками спрятать смысл и что-то небанальное.

А есть такие, как Гоша, смешные сами по себе, от природы. Наверное, сказывается еще и то, что изначально он совсем не текстовик, а импровизационный комик. Я знаю его с первого дня в Москве, но один вопрос все равно остается загадкой: на чем он, мать его, сидит, раз вообще не умеет сидеть спокойно? Весь такой бессмысленно суетливый, постоянно крутящий головой, притоптывающий, громко шмыгающий носом и озирающийся. Вот он как раз и славится своими отыгрышами, в которых не знает меры. Может рухнуть

---

[4] Панч, панчлайн (от *англ.* punch – бить кулаком) – лаконичная фраза; строка, которая должна очень сильно зацепить оппонента.

на колени, заорать, кататься по сцене, громко искусственно рыдать. Однажды он разорвал на себе рубашку. До сих пор помню это выступление. Гоша хоть иногда и пугает своей неадекватностью, но как минимум в половине случаев – смешит. И я завидую его смелости, раскованности, умению валяться на сцене и даже выпученным карим глазам. Как-то раз он вообще отобрал у девушки стакан и выплеснул себе в лицо. Я пытаюсь примерить на себя хоть один из его трюков, но, уверена, итог будет одинаковым: кто-то вызовет мне скорую.

Заголовок: «У женщины-стендап-комика во время выступления случилась истерика».

Если ты парень и рвешь на себе рубашку на сцене, то ты – экспериментальный комик. Если девушка – то сумасшедшая истеричка. Ну, или перепутала стендап-клуб с конкурсом мокрых футболок.

– Для безэмоциональных шуток тебе нужно более странное лицо, – рассуждал Юрий, – немного пугающее.

– Отлично. – Какого черта он вообще размышляет о моем лице? – Попробую пропустить его через мясорубку.

– Не, есть риск, что это сделает его только лучше! – захохотал Гоша.

Мысленно я твержу: это шутка, шутка ради шутки, пустая и бессмысленная, чтобы заткнуть паузу, лишь бы что-то сказать. Он не пытался тебя оскорбить, он не всерьез. Но в мою самооценку как будто запустили вирус, и выстроенная за го-

ды кирпичик за кирпичиком стена дает трещину. Это шутка, Тома, дебильная шутка Гоши, не более.

Я знаю, прекрасно знаю, что далеко не красавица. Лицо какое-то небрежное, что ли, челюсть треугольная, глаза невыразительно карие. Волосы – даже описывать не буду, я уже давно не могу понять, что с ними. Фигура недопловчихи. Плоская, опять же квадратная, без лишних окружностей. В общем, человечек из «Лего» выглядит сексапильнее меня.

Я-то знаю. Но можно это тайное знание о своей непривлекательности я буду нести внутри себя, не получая подтверждений извне?

– И говори попроще. – Это было стабильное замечание. – Вместо «я искренне тебе благодарен, что стал геем» – «благодаря тебе я стал геем». Тебе динамики не хватает. Злости. Ты слишком пассивная.

– Мой бывший говорил так же, – на автомате отвечаю я, и руки сами стремятся перевернуть страничку блокнота. Там по-прежнему неоформленный материал. Материал, на который я все никак не могу решиться. Потому что, мне кажется, если я снова начну шутить *о нем*, то сделаю ему одолжение.

Господи, какой же Юрий душнина. Это даже не последняя фраза в выступлении, а где-то середина блока, но он помнит и лелеет свое маленькое замечание, чтобы хоть как-то самоутвердиться.

– Да. – Гоша всегда старается поддакивать Юрию, надеясь, что это как-то улучшит их отношения. – Ты всегда звучишь

прециозно.

– Ты хотел сказать претенциозно? – поправила я его, скорее, машинально.

– Я хотел сказать «не выебывайся». – И Гоша снова истерично расхохотался.

– Будут еще замечания?

Парни замотали головами. Отлично, просто супер. Я надеялась хотя бы на что-то дельное.

– Какие планы на выхи? Идешь на тусовку этой курицы-гриль?

– Не. Мои планы на выходные – вынюхать целую дорожку психического здоровья.

Гоша улыбнулся, словно услышал что-то близкое и знакомое. У меня была шутка, даже не совсем шутка: первое время в Москве у меня проявлялась очень сильная тревожность, особенно если дело касалось знакомства с новыми людьми. В детстве мама постоянно делала мне замечания, что я часто моргаю, дергаюсь и чешу нос, когда приходится общаться с незнакомцами. Стоило мне приехать в Москву, как эта привычка усилилась в разы. Я замечала, что люди отдаляются от меня, не желая со мной разговаривать. И я не придумала ничего лучше, чем начинать знакомство с фразы: «Привет, я Тома. Не обращай внимания, я под феном».

Кто-то считал это шуткой, кто-то – нет. Во втором случае от меня либо сразу отходили, либо продолжали куда более неформальное общение. Легче было притвориться нар-

команкой, чем признаться, что я просто по жизни такая. Позже я обратилась к психотерапевту, и мне поменяли таблетки. Мой уровень тревожности снизился, но вместе с тем пришли постоянная тошнота и головокружение. Я стала не просто спокойнее, я стала безразличнее. Я вдруг заметила, как мой организм сам начинает отказываться от меня и проваливаться в бесконечную сонливость. Концентрация терялась, об энергии я забыла. В день я могла сделать только одно дело, после которого, обессиленная, ложилась спать. Выход из дома приравнивался к пытке. Зимой становилось еще хуже. Я успевала эмоционально выгореть, пока надевала колготки. В общем, пришлось очень долго, методом проб и ошибок высчитывать свою дозу лекарства.

Я скучающе наблюдаю за залом, песни Дурата все продолжаются. Кто-то истерично смеется, надеясь, что это скоро закончится, кто-то медленно выходит. Дохлота. Да. Отличное слово для сегодняшнего вечера. Дохлота. Назову так свой сольник.

Черт. Он здесь.

– Блин, опять он. – Я едва успела его разглядеть и сразу резко обернулась к барной стойке, надеясь, что он не заметил. Нет, если это действительно тот, о ком я думаю, то он заметил. Заметил и пристально следит за мной.

– А! Твой Капитан Крюк! – понял Гоша, за что сразу получил в плечо. – Главный поклонник! Аплодировал громче всех!

Я уже раз десятый слышу эту шутку.

– Как он вообще узнал, что я сегодня выступаю? Это ж опен-майк[5], не концерт.

– Взломал «ВК» и прочитал в личных сообщениях Ромы, кто записывался на опен-майк, – пожал плечами Юрий. Он произнес это так уверенно и буднично, что я уставилась на него с испугом. – Я шучу, Томик, шучу, – отмахивается Юрий.

Особенность комедии Юрия – невозможно понять, когда он шутит.

Я коротко взглянула на своего «поклонника». Обычный быдловатый тип из какого-нибудь Подмосковья. Пронзительные серо-голубые глаза, небрежно вылепленное лицо со странным черепом: вытянутым, угловатым, словно статуя с острова Пасхи.

Помню, когда увидела его впервые. Это был как раз смехотливый февраль, жесткий дубак, когда и жить не хочется, что делает этот месяц финансово выгодным для стендапа. Ведро доната[6] было переполнено, зал – тоже, и плевать, что половина из них сидела только ради того, чтобы согреться.

Своего выступления я не помню, но помню, как стояла возле сцены и терпеливо наблюдала за комиками. Рома – кажется, это был он – переключился на оскорбление зала, так как собственные шутки у него не клеились. Люди, как обыч-

---

[5] Открытый микрофон.

[6] Добровольная плата за просмотр.

но, встретили это радостно, ожидая толики хоть какого-нибудь внимания.

Однорукий парень в заднем ряду, разумеется, был идеальным объектом для шуток.

Я не очень люблю шутки про инвалидов. И дело не в какой-нибудь морали, нет, если лезешь в комедию, о морали надо помнить ровно до тех пор, пока тебя не посадят или не изобьют в подворотне. Быть избитым одноруким парнем – уже довольно сложно, а если даже подобное и случится, то материал на следующее выступление готов. «Представьте, меня избил зритель, причем однорукий» – это же короночка.

Я не люблю шутки про инвалидов, потому что они слишком простые, слишком очевидные. Простой путь комедии – взять самую болезненную тему и приплести к ней пару каламбуров из разряда «вам нужна рука помощи». Или сказать что-то вроде: «Ты, наверное, ненавидишь хороводы?». Слишком просто, но заходит абсолютно всем.

Как именно пошутил в тот вечер Рома, я не помню, да и нет смысла вспоминать. Но я помню ухмылку этого «поклонника». В первый же вечер я поняла: у него кровожадное лицо.

Зловещая тихая усмешка, словно жаждущая расплаты. Да-да, у него было кровожадное лицо маньяка.

Уже прошло полгода, а я периодически вижу его в зале, ловлю его липкий взгляд и замечаю, как он движется ко мне после выступлений. Я всегда успеваю либо убежать, либо с

кем-то показушно заболтаться с очень важным видом.

– Может, заяву на него накатать? – предложил Гоша.

– За то, что он ходит на все ее выступления? – удивился Юрий.

– Кто-нибудь может меня сегодня до дома проводить?

Господи, даже не понимаю, зачем я это спросила. Я ведь знаю ответ и знаю, что за этим последует.

Однотипный идиотский жест.

Юрий и Гоша вдвоем практически синхронно повели плечами и едва заметно отстранились. Я знаю этот жест наизусть: так делали мой отец, мои ученики, когда я просила помочь что-то донести, все мои парни так делали. Это жест явной неохоты, мужского отказа. После него обычно следует лепетание:

– Да летом же светло. Тем более что ты на метро.

– Может, соседи тебя встретят…

И этот нечленораздельный лепет я тоже всегда пропускаю мимо ушей. Бессмысленный, бессвязный, шаблонный, однотипный, неловкий и жалкий.

Лучше бы не спрашивала. Сразу становится дико неприятно. В черновиках была шутка про этот типичный «мужской отказ», но я так и не решилась довести ее до конца. Не знаю, может, я подсознательно боялась, что пацанов это заденет, а может, шутка действительно была неудачная.

Я еще пыталась понять, а какой в таком случае «женский отказ». Обычно, когда говорят о «женском отказе», первое,

что всплывает в голове, – это отказ от секса, а не в ответ на какие-нибудь просьбы. Наверное, у девушек – у настоящих девушек – просто ничего не просят, вот им и не приходится устраивать этот цирк.

Стало так неловко, что Гоша, конечно же, начал болтать.

– А че твои Пупа и Лупа не пришли?

– Слава и Сава? – зачем-то переспросила я, хотя прозвище «Пупа и Лупа» – мое изобретение. – Да я их уже задолбала своим материалом. – Я взглянула на свой бесполезный «сяоми» с нулевым балансом. – Я им сегодня деньги скинула за квартиру, что-то нервничаю.

– Боишься, что в бухгалтерии все перепутают?

– Боюсь, что кто-то из этих придурков опять купит пакет с пластиковыми шариками.

– Что за пластиковые шарики? – оживился Юрий.

– Ты не знаешь? Слава купил детские пластиковые шарики, такие, которые во всяких детских комплексах, в бассейнах.

– А-а-а! Да! Я видел фотку, – вспомнил Гоша.

– И наполнил ими ванну, как раз когда пришла хозяйка.

Юрий как-то неприятно прыснул.

– Да все нормально будет, заплатят они за хату, – отмахнулся Гоша.

– Они не ответили насчет пиара. Не возьмутся за нас? – Юрий вспомнил о деловых вопросах.

– Не, они сейчас пиарят курицу-гриль.

– Чего? – спросили они хором.

– Нашли ларек с курицей-гриль и стали его пиарить. Завели ларьку инстач, нагнали туда подружек-моделей, пофоткали, устроили тусу с диджей-сетом. – Я по привычке потянулась к телефону, чтобы открыть «Инстаграм», но вспомнила, что интернета нет.

– По-моему, это современное искусство, – с восторгом прокомментировал Гоша. Мне вообще кажется, что он общается со мной только потому, что мои соседи Слава и Сава, работники крутого интернет-издания, – придурки, которые умеют делать хайп из ничего. Как-то раз они вдвоем реанимировали карьеру старого актера, который прославился в идиотском сериале в начале нулевых, потому что стали снимать с ним «тик-токи».

– Мне кажется, это безработица, – в своем стиле прокомментировал Юрий. Вот как раз он, возможно, и общался бы со мной побольше, если бы не Слава и Сава.

– Они ж еще в SMM-агентстве с этими блогерами всякими снимают клевую рекламу, скетчи…

– Господи, они раз в неделю устраивают розыгрыши в «Инстаграме», и все. – Я допиваю пиво, стараясь не смотреть лишний раз на своего «поклонника». Кожей чую, как он следит за мной.

– Нет бы на завод пойти работать, да, Юрий? – пытается шутить Гоша.

– А следующей на сцену выходит Снежана! – громко объ-

являет Рома.

Я уже думала под шумок аплодисментов потихоньку сбежать через кухню, но из какой-то внутренней солидарности решила остаться и посмотреть выступление девушки-комика. Неожиданно к сцене пошла красотка того кавказца.

– Я, вообще-то, пишу стихи, юмористические… – заявляет девушка, а я, Гоша и Юра заводим осуждающее «у-у-у», но не так громко, как хотелось бы.

– Ты посмотри на их стол. У них там фруктовая тарелка за семьсот рублей! Кто в здравом уме будет тратить деньги на фруктовую тарелку? – шепчет мне Юрий.

– Там еще кальян, мясо и шампанское. Они сегодня сделали выручку кухне, – ответил Гоша.

– Если вдруг ты в «Инстаграме» вот совсем не популярен, надо просто сделать жопу, – зачитывает она, и я вижу, как Рома болезненно улыбается и аплодирует, а этот ее кавказец просто сияет от гордости.

– Смейся, Тома, смейся, иначе нас всех здесь постреляют к чертовой матери, – комментирует Юрий.

Парень этой Снежаны самодовольно улыбается, задрав подбородок. В его глазах столько любви, что даже мне становится отвратительно завидно. Я же смешнее, объективно смешнее. Работаю над собой, стараюсь, каждая шутка выходит из меня мучительно долго. Разве я не заслуживаю такого же обожания в чьих-то глазах?

Тень этого обожания, если быть совершенно честной, я

замечала у своего «поклонника». У того жуткого, отталкивающего, быдловатого отребья. Неужели я привлекаю только таких парней? Неужели это и есть мой максимум? Однорукое быдло. Капитан Крюк.

Черт, нельзя так говорить. Прекрати. Слишком жестко. Может, он человек хороший. Но точно не настолько, чтобы я подумала: да, я крутая, раз нравлюсь ему.

Идиотская женская привычка – мерить себя восторженными взглядами.

А Снежана все читает свои идиотские стихи. Ее кавказец хлопает так громко и строго, что другие подхватывают. Идеальное время для побега.

– Я пойду. Выйду через кухню, пока этот маньяк не смотрит.

– Пока-пока, – вяло ответили мужчины, откровенно пялясь на грудь выступающей Снежаны. Ко всеобщему сожалению, она начала петь, и Рома принялся подогревать зал с двойным усилием.

Я скользнула через кухню, поприветствовала поваров и официантов, скучающих на рабочем месте. На опен-майки ходят, откровенно говоря, нищеброды, и, как бы комики ни пытались уговорить зрителей заказать что-то из меню, кассу им делают только вот такие вот Снежаны.

Из кухни – на этаж выше, в кальянную. Проскочить через ароматное душное облако, затем выйти в оживленный Камергерский переулок – такой разительно дорогой, будто

отдельный от остальной Москвы. Я до сих пор не понимаю, как «Веслу» удается платить здесь за аренду, пусть и в подвале при кальянной.

Ходят легенды, что «Весло» называется «Веслом» потому, что в какой-то момент от слова «весело» оторвалась вторая буква «е». Само заведение появилось еще до того, как в России устаканилось слово «стендап». Открыла его компания богатых армян из какой-то высшей лиги КВН, которым когда-то посчастливилось отправиться в США и – по слухам, конечно же, – увидеть выступление Луи Си Кея[7] вживую.

Впечатлившись, они вернулись в Москву и решили открыть стендап-клуб, но, так как словосочетания «стендап-клуб» на территории РФ вообще не существовало, приняли скромное и лаконичное решение написать на баре простое слово «Весело». Впоследствии буква «е» отвалилась, и осталось только «Весло».

Разумеется, вся эта история – чушь.

Пара молодых комиков, которые никак не могли пробиться на телевидение, выкупили за бесценок пивную с идиотским названием и сделали из нее стендап-клуб. Но в одном я не соврала: это правда легендарное место и по-легендарному унылое.

«Весло» – это, скорее, место паломничества. Каждый здесь начинал, но никто не задерживался. «Весло» было на

[7] Американский стендап-комик, актер, сценарист, продюсер и режиссер, обладатель премий «Эмми» и «Грэмми».

плаву за счет историй, и не более. И сейчас, пробегая по Тверской, чтобы меня не догнал однорукий бандит, я смотрю на афиши матерых стендап-комиков, выступающих в каком-нибудь «Крокусе», засветившихся во всяких передачах и о каждом из которых я слышала байку, что они когда-то давно облажались в «Весле».

И к этим комикам на афишах мы все, конечно, относимся с уважением. Они закрепили слово «стендап» в российских умах, но двигались безопасными, протоптанными дорожками. Их комедия – комедия наблюдений: натуралистические заметки о том, как быть отцом, разведенным, мужем, женщиной за тридцать, как брать ипотеку и кредит. Кто-то из них сказал пафосную фразу: «Стендап – это попытка разобраться в жизни». Вот они и разбирались, пытаясь выявить в обыденности все странное, непонятное, чудаковатое, комичное. Они из раза в раз обкатывали банальные повседневные темы – популярное, избитое и бытовое – а остальное досталось нам, андеграунду. Андеграундом обычно называют все, что недостаточно успешно.

Вообще карьера стендап-комика – это карьера провалов, и я набрала их с лихвой. С этой фразы начинались мои первые выступления: «Меня зовут Тома, и я коллекционер. Коллекционирую способы разочаровывать родителей».

Я влезаю в полный вагон и пытаюсь подключиться к вайфаю, желая наконец-то увидеть сообщение от Славы или Савы, что за квартиру заплатили и все хорошо. Ну или хотя бы

посмотреть в сториз, что они, как обычно, прекрасно тусуют, а следовательно, опять же, все хорошо.

Но получаю только входящий звонок с изображением выбеленной и отфотошопленной рожи поп-певца, который будет втюхивать мне средство от прыщей. Я вижу ее уже сотый раз, но постоянно хочу завопить от ужаса. Жму не на ту кнопку, не могу подключиться, кто-то меня задевает. Людей в вагоне так много, что лучше держать руки в карманах, сжавшись в один минимизированный человеческий комок. Ладно, до дома минут тридцать, пора гасить свою тревожность и попробовать прожить без Интернета еще чуть-чуть.

Надеюсь, что Слава и Сава уедут тусить куда-нибудь к своей курице-гриль или снова заниматься какой-то ерундой на Чистых Прудах. И наша скромная хата останется в моем распоряжении. Я наберу в ржавую ванну горячей воды, сыпану какой-нибудь розовой соли, купленной по акции в продуктовом, и весь вечер буду водить по разгоряченной коже холодной бутылкой безалкогольного пива. Потом покрою руки кремом – честно, не знаю, какая от него польза, но это единственный доступный мне вид спа, и я собираюсь насладиться им сполна.

Затем зайду в «Инстаграм» с единственной целью – посмотреть, на какие тусовки меня не позвали. Разумеется, потому что я сама приняла решение остаться дома. Да и что мне стоит по этой сториз-наводке подъехать к бару, сделав вид, что оказалась здесь случайно. Но я все равно буду смот-

реть на однотипные темные кадры и жалеть себя, приговаривая, какая я одинокая и никому не нужная. Идеальный план. Четкий, как швейцарские часы, и работает если не каждый вечер, то каждую пятницу точно.

В шесть утра мои Пупа и Лупа наверняка вернутся с ворохом идиотских историй, которые будут рассказывать, перебивая друг друга. Этой ночью они, скорее всего, с кем-то подерутся, куда-то влезут, познакомятся с какой-то местной селебрити – и будут говорить об этом буднично и просто. Именно за этот тон «вот такая у нас жизнь» эти парни мне и нравятся. Два безамбициозных придурка, готовых сделать что угодно, чтобы было прикольно.

Я живу с ними уже два месяца в неплохом районе, недалеко от центра. Тихие одинаковые пятиэтажки, будто кто-то создавал это место, бесконечно нажимая «копировать, вставить», «Пятерочки» и «Дикси», никаких «Перекрестков» или «Азбук вкуса». Детский сад, школа, автозак – вся Россия в миниатюре. Что еще нужно комику для вдохновения?

Хороший сон под седативами. Часов так на шестнадцать.

Отключиться и ни о чем не думать. Просто не существовать некоторое время.

Завернув за очередную пятиэтажку, я услышала громкую попсовую музыку, которую включают либо по случайности в такси, либо чтобы вызвать ностальгические чувства у тусовки.

Черт. Нет. Это с моего балкона. С моего чертового балко-

на, который горит красными огнями и в стекле которого я вижу… Сколько там, мать его, человек? Что за черт?

Я остановилась прямо перед домом, чувствуя, как закипает едкое, словно кислота, раздражение. Почему туса у нас? Какого черта? Есть же договоренность, они должны были меня предупредить.

Девчонка с белоснежным каре в костюме какой-то горничной чуть не вывалилась из окна моей комнаты, радостно вопрошая:

– Ты туси-и-ить?

Что?

– Я здесь, мать его, живу, – кричу я на свой третий этаж.

– Держи ключи! – И она действительно швырнула ключи. МОИ. Из окна МОЕЙ комнаты. Потрясающее гостеприимство! Эту девчонку, мечту педофила, я вижу впервые в жизни, какого черта она скидывает МОИ, повторюсь, ключи?

Я настолько зла, что не вызываю лифт. Нет уж, я пройдусь пешком, чеканя каждый шаг. Нет времени ждать. Я ворвусь и выгоню их оттуда к чертовой матери, к ближайшему пивному ларьку. Это и моя квартира тоже! Я за нее плачу из своего кармана, в том числе и за тихий вечер в ванной, а не за уборку до утра после кучки нереализованных андеграундных детишек.

С каждым этажом дебильная музыка становилась громче и тупее, настолько, что моментально вызывала мигрень. Новый трек – Меладзе «Красиво». Просто так эту песню не

включают. Я не успела еще вставить ключи в замок, как Слава, помятый, бородатый и пузатый, открыл дверь и пьяно завопил, прищурив глаза:

– Добро пожаловать на антиновоселье!

Сава, напротив, долговязый и бритый, напрыгнул на него со спины и радостно закричал, салютуя банкой пива:

– У Славы украли телефон и сняли все деньги! Завтра нас выселяют! У-у-у, уху!

Надо было все-таки подключиться к вай-фаю в метро.

Наша тихонькая крошечная квартира, дизайн которой – «я вдохновилась интерьерами из криминальной сводки НТВ», в том самом бабушкинском стиле, была полна людей и мусора. Разница небольшая, но мусор, в отличие от людей, не разговаривал.

– Это Тома! – Сава поправляет свои дебильные очки, оплетая меня рукой. Он выглядит так, словно вчера сбежал то ли из хосписа, то ли из лаборатории, где ученые вывели его посредством скрещивания человека и самки богомола. А еще он точно выглядит как человек, который когда-то пытался трахнуть арбуз. – Тома – наша соседка! Бывшая соседка! Ха-ха!

Уморительно. Просто уморительно. Потрясающе. Невероятно!

– Вы придурки, вы точно конченые придурки, – я бессмысленно плююсь ядом, но им побоку. Моя агрессия их только забавляет.

Телефон подключился к Сети. Я проверила СМС и сообщения. Ничего. Залезла в «Инстаграм». Вот Слава и Сава стоят у рюмочной на Чистых прудах и орут наш адрес, зазывая всех подряд. Они реально нахватали людей с улицы? Совсем поехали?

Я оглядела разношерстную тусовку, от хипстеров до панков. Так, большинство из них я уже видела, если не вживую, так в той же самой рюмочной или в сториз у Пупы и Лупы. Несколько человек выглядели совершенно отбитыми, вроде «я живу на улице уже четыре года».

Что-то мокрое ткнулось мне в коленку.

– Какого черта тут собака?!

Слава и Сава ретировались, поглощенные потоком случайных людей. Собака пугливо мотала хвостом. Обычная дворняга, вонючая, с длинной шерстью.

– Кто привел сюда собаку?! – снова попыталась задать такой нескромный вопрос я. Парень с неадекватно длинными волосами, сам напоминающий эту собаку, жалостливо взглянул на меня.

– Извини. – Он потрепал ее за ухом и притянул к ноге. – Она казалась такой одинокой.

Я его уже видела. Точно где-то видела. До ужаса знакомое лицо. Да и внешность у него такая, что не сразу забудешь. Весь в татухах, с кривой бородой – даже не думала, что борода может быть кривой. К тому же татуировка на лице – самый быстрый способ привлечь внимание.

Не отвлекайся, Тома, не отвлекайся. Надо понять, что делать с квартирой.

Я рванула в свою комнату. На моем матрасе устроилось человек десять, если не больше. Все истерично смеялись, а на темно-синей икеевской простыне расплылось мокрое пятно. В руках «гостей» – банки пива.

– То-о-ома! А вот и То-о-ома! – крикнул кто-то. Плевать. Надо найти Славу или Саву.

Хотелось взбеситься как ребенок. Топать ногами, рыдать, реветь, орать. Хотелось взять полотенце и каждого здесь им избить. Я хочу, чтобы все исчезли по щелчку пальцев, а в квартире стало чисто, тихо и пусто, в конце концов.

Слава был найден на холодильнике.

Этот пузатый придурок едва помещался на этом крошечном холодильнике. Наши потолки до того низкие, что сесть нормально Слава не мог, поэтому стоял на карачках, в самой провокационной позе, под радостное хихиканье и ловил сразу несколько вспышек смартфонов.

Слава и Сава нравились мне как придурки. И если бы кто-то пересказал мне эту историю про антиновоселье, если бы я увидела ее в сториз или сама ввязалась в эту шумную компанию и поехала на чужую хату отпевать аренду, мне было бы смешно. Это была бы классная история. Я бы разделяла всеобщую радость кутежа и полного идиотизма. Но я участник событий, и поэтому мне совсем не весело.

– Ты говорил с хозяйкой? – Я не стала ждать, когда Слава

спустится. Его гномье, красное от выпивки лицо стало умилительно добрым.

– Томочка, – заворковал он. – Это Тома, она офигенная! Она стендап-комик!

Боже мой, только не это. Разумеется, сразу же куча непрошеных заинтересованных взглядов, кто-то уже тычет пальцем.

– Том, пошути!

Обожаю, просто обожаю, когда они просят меня пошутить по щелчку пальцев.

– Слава, твою мать, слезай с этого чертового холодильника. – Я дернула его за ногу, отчего холодильник опасно качнулся в сторону. Угробить холодильник – этого нам еще не хватало.

Боковым зрением я замечаю, как кто-то из тусовки тушит сигарету в тарелке с остатками хлопьев, которые я не доела с утра. Потрясающе. Просто потрясающе.

– Да выпей с нами, – слышится со стороны. – Да чего ты? Пиво, водочка, есть вискарь еще.

Этот назойливый голос, казалось, жил сразу отдельно от всех тел или, напротив, бродил от человека к человеку как невидимый дух вечеринки. Чьи-то руки, плечи. Словно я опять в метро. Не могу нормально вдохнуть, докричаться до Славы или увидеть Саву. Ничего не могу. Ничего.

Я выхватываю протянутую бутылку водки и делаю глоток, не морщась. Я давно научилась этому трюку. Нет более про-

стого способа впечатлить остальных, чем глотнуть самой высокоградусной дряни с каменным лицом.

Чтобы выжить в Москве, тебе нужна тусовка. Я тусуюсь – следовательно, я существую. Чтобы быть в тусовке, нужно уметь занимать место. И самый короткий путь для девочки, которая, как и я, не вышла лицом, – это алкогольное превосходство. Дело не в выпитом, нет, совершенно не в нем. Дело в манере. В отрепетированной боевой манере не щурясь поглощать алкоголь, быстро и с самым непроницаемым лицом. Выражать скуку всем своим внешним видом и разве что саркастично поднимать бровь, когда кто-то из мальчишек болезненно «ойкнет».

Мальчик с собакой вежливо тычет мне в плечо огромную упаковку сока «Добрый». Я чувствую, как по горлу медленно карабкается рвота, а по мозгу будто проходятся горячей сваркой. Вдох через нос, чтобы почувствовать землю. Надо показать, кто здесь главный. Показать, что я одна из них, доказать, что нормальная.

Ведь я нормальная. Я тусовочная, молодая, нормальная Тома. Как они. Такая же непутевая, ничему не принадлежащая, такая же «невзрослая».

– Моя девочка. – Слава хлопает меня по плечу.

Иногда, признаюсь честно, мне нравится подыгрывать той роли, которую на меня навешивают. Этакой жесткой и саркастичной стендаперши, прохававшей жизнь. Девочки, внутри которой живет разочарованный в жизни сорокалетний алко-

голик. Я не люблю пить, серьезно, не люблю похмелье, муть в голове. Мне по факту вообще пить нельзя, но я везде ищу одобрения.

– Ты говорил с хозяйкой? – спохватилась я.

– Ага, но все вышло как-то тупо.

Разумеется, в моей жизни по-другому и не бывает.

Слава показал мне сообщения. Сухие и строгие. Сдаем квартиру завтра в двенадцать. Никаких одолжений. Ничего.

Хочется расплакаться от обиды. Только мне показалось, что моя жизнь встала на рельсы. Только показалось, что меня ждет нечто крутое, что с этой квартирой, с этим соседством что-то изменится, как пузырь лопнул.

– Что мне делать-то, Слав? Мне куда, мать его, деваться?

И снова этот жест. Типичный жест мужского отказа.

– Можешь пожить со мной на даче у родителей Савы, – сказал он таким тоном, что стало ясно: нет, не могу.

– Потрясающе, Слав, прям моя мечта. То, за что я платила деньги. За дачу родителей Савы.

– Эй, насчет денег не переживай, мы с новой рекламы «куры-гниль» все вернем.

– Реклама «куры-гниль»?

– Ага. Прикинь, нам заказали рекламу.

– Чего?

Во-первых, я явно упустила момент, когда курица-гриль превратилась в куру-гниль. Во-вторых, реклама ларька – кому это надо?

– Ага, тут где-то ходит девушка эта… которая открывает постироничную кофейню.

– Что-о-о?

– Ага. Еще название такое тупое. Может, ты знаешь ее. Мы с ней знакомились как-то, красивая такая, Ива зовут. Она где-то здесь бродит.

Ива. Я знала только одну Иву. И знала я ее, как любая девушка знает другую девушку, которая в сотни раз красивее ее.

Ива – длинноногая, смуглая, с голубыми глазами и короткой стильной стрижкой. Ива, у которой идеальная улыбка и смех диснеевской принцессы. Ее будто вырвали из какого-то слишком красивого и идеального мира и через волшебный портал отправили сюда. Фея, затерянная в грешном мире. Рядом с ней хотелось только одного – самоуничтожиться к черту от своего уродства.

У Ивы была особенность: на любой вечеринке, где бы она ни появлялась, создавалось ощущение, что это ее день рождения. От распития водки в подворотне до изысканного вечера на закрытом рейве – где угодно, стоило лишь возникнуть Иве, тут же начинало казаться, что все пришли заполучить толику ее внимания, словно благословение.

Я завидовала ей черной завистью. Не длиннющим ногам, красивой улыбке и не идеальной стильной стрижке, а ее раскрепощенности, ее всепоглощающей открытости.

Но я помню Иву в барах. Помню, как она металась от сто-

лика к столику в своей распахнутой рубашке и крошечном топике, помню, как увлеченно она болтала что-то заумное: то ли о гендерной теории, то ли еще о чем-то таком. Помню, как я жалась в углу, не решаясь заговорить с ней, и просто наблюдала, будто в кинотеатре.

И я слишком отчетливо помню парней, которые с ней якобы разговаривали. Пока Ива блистала своими интеллектуальными монологами, они прожигали взглядом ее крошечный топ.

Я тогда еще подумала: «Бедная девочка. Сколько бы книжек ты ни прочла, сколько бы диссертаций ни защитила, все будут видеть только этот топ. Как же все-таки хорошо, что участь красивой девочки меня не постигла. Со своим наискучнейшим лицом я зато точно знаю, когда меня слушают, а когда хотят залезть под юбку».

А потом я поняла, что и сама уставилась на ее крошечный топ.

Плей-лист антиновоселья скакнул на хиты девяностых. Ретроградное движение музыки. Чем дольше вечеринка, тем старее песни. Не удивлюсь, если к концу этой тусовки кто-то включит игру на кифаре времен Древней Греции.

Хм, а это может стать хорошей шуткой.

– Так ты стендапер? – Парень с собакой выглянул из-за угла. Все такой же косматый и неформальный. – Кру-у-уто. Как ты к этому пришла?

Я выжидающе взглянула на него и отпила еще чего-то.

Мне слишком часто задавали этот вопрос.

– Моих родителей убил стендапер, и поэтому я решила сама стать стендапером и отомстить ему.

Я произнесла это с такой заученной, мертвой интонацией, что парню потребовалась секунда, чтобы понять шутку. Он расплылся в улыбке, показывая свои кривоватые зубы, и шутливо погрозил пальцем.

– А, неплохо.

Ненавижу, когда кто-то за меня говорит, что я стендапер. Стоит при ком-то упомянуть, что ты занимаешься комедией, как в его голову будто вкладывается тикающая бомба. После этого все общение со мной сводится только к одному – к напряженному ожиданию шутки.

Но я живой человек, который делает шутки, а не является шуткой сам по себе.

Интересно, если бы кто-то сказал ему, что я врач, он бы упал с инсультом, чтобы посмотреть, насколько я хороша?

– А у Димы своя группа! – из ниоткуда выскочил Сава.

– О боже, нет! Надеюсь, вы убрали все гитары из квартиры.

– Да ну тебя, у Димы очень крутая группа. И сам Дима крутой. Он на прошлой тусовке себе волосы поджег, а еще он веган. – Сава ткнул пальцем в его татуировку на локте vegan.

– Впечатляющее резюме.

– Ага, послушай его как-нибудь. Группа называется «Овощное жарево».

– Это потому, что ты веган и поджег волосы?

– Нет. Это потому, что я люблю порно с инвалидами.

В этот момент я подавилась своим не знаю чем со спиртом. А это реально смешно, стоит запомнить.

– А, неплохо, – ответила я ему в той же манере.

Дима пару раз моргнул, как будто не совсем понял, что происходит. Рефрен он явно не оценил[8].

– Ты о чем?

Кажется, он не шутил.

– Ты реально смотришь порно с инвалидами?

Он пожал плечами.

– Каждый дрочит как он хочет.

– Да, только ты смотришь, как кто-то дрочит без рук. Как в детстве, когда катаешься на велосипеде. Мама, смотри, я без рук.

– Не, мне больше нравится, когда нет ног.

– Удивительный ты мальчик, Дима. Играешь музыку, вписываешь собак на тусовки, дрочишь на безногих людей.

Я тут же вспомнила про своего однорукого поклонника, и внутри что-то рефлекторно сжалось в испуге. Он же мог оказаться здесь так же случайно, как и половина гостей.

– Ну да, – усмехнулся он. – Эти руки не для скуки.

К нам подошел общий знакомый-незнакомый. Точнее, таких людей я называю «призрачный гонщик». Загадочный

---

[8] Рефрен – отсылка к предыдущей шутке. Иногда отсылка не к шутке, а к элементу шутки, например, к определенной реплике.

парень, который непонятно каким образом оказывается на всех вечеринках, хотя его никто не зовет. Все, что делают призрачные гонщики на тусовках, – бродят. Не пьют, не разговаривают, не сидят в телефоне. Просто бродят, будто NPC[9] из видеоигры. Странный пацан в очках, который выглядит так, словно установит тебе «1С: бухгалтерию». И встречаю я его чаще, чем собственного отца. В принципе, как и с отцом, мы просто обмениваемся с ним кивками, да и все.

Тусовкой заражаешься как вирусом. Помню, как год назад, когда я впервые встретила эту веселую толпу на улице, подумала, что быть в такой тусовке означает устаканиться в Москве. Вжиться в нее, вплестись корнями.

Переехав в Москву – правильнее будет сказать «сбежав», – я пошла по шаблонному сценарию и устроилась работать в кофейню.

Иногда я искренне скучаю по тому периоду своей жизни, потому что тогда все напоминало идиотский фильм. Я отпахивала смену в дешевой забегаловке на Арбате, варя кофе всем подряд вместе с армянской подружкой Даной, а закрыв кофейню, бежала на любые открытые микрофоны, которые могла найти.

Обычно в таких идиотских историях появляется принц, на которого ты по ошибке роняешь кофе, и тот зловонным пятном расползается по его белой, идеально выглаженной

---

[9] Неигровой персонаж (от *англ.* non-player character) – персонаж в ролевых играх, которым управляет не игрок, а компьютер.

рубашке. Но так бывает в идиотских историях, а в моей жизни Сава швырнул урну в витрину и стащил банку с чаевыми.

До этого предводителем этой дикой компании я видела Саву. Слава был слишком низкорослым и тихим, а Савин рост и чудаковатая внешность позволяли ему стать заметным лидером сборища этих хипста-подростков. Периодически они захаживали к нам, брали самый дешевый кофе, в основном, как я понимаю, с жуткого похмелья, и перешучивались между собой.

А потом, в мою ночную смену, он швырнул урну. Стекло она не разбила, зато тупо отлетела прямо в него. Врезалась в живот и сбила с ног. Я неистово хохотала минут пять, упав на колени за кассой. Вся его компания тоже смеялась до истерики. А Сава получил сотрясение, о котором узнал только на следующий день. Он был настолько пьян, что и не понял, что случилось.

И вот этот истеричный смех в такой идиотской ситуации стал моим золотым билетом на эту шоколадную фабрику прикола. Дружелюбная тусня позвала меня с собой. Растерявшись, я даже впустила их внутрь и закрыла при них кассу, не заметив, что Сава прихватил с собой не только меня, но и банку с чаевыми. Мы тупо носились по центру всю ночь, забегая в круглосуточные магазины, где продавали алкоголь.

Неудивительно, что меня потом уволили.

Но я отчетливо помню, что в ту дикую ночь, абсолютно бессмысленную, идиотскую и бесцельную, я чувствовала се-

бя до жути счастливой, причастной к чему-то. Никто даже имени моего не спрашивал, никого не интересовала моя биография. Я будто стала единицей стихийного и непонятного движения.

Потом снова тусовка. И еще одна. Драки, разборки с ментами, случайные разговоры. Люди менялись, суть – никогда. Я врастала в эту тусовку.

Мутные видео с вечеринок становились валютой. Мое «Инстаграм»-окружение росло, мне требовалось доказывать, что моя жизнь интересная, что я интересная, и я рвалась куда угодно ради пятнадцати секунд в темноте со вспышками света. Смотрите. Я есть. Мне весело.

И вот мы все вместе едем к кому-то на дачу, напиваемся. Сава постит в свой «Инстаграм» нашу совместную фотку с кучей случайных людей, подписывая: family.

И я подумала, вот она, семья, где вместо общей крови течет общий сидр. Вот они, настоящие друзья. Я всегда хотела только одного: быть причастной к чему-то.

Но потом я, разумеется, разочаровалась. Я коллекционирую способы не только разочаровывать родителей, но и разочарования в целом.

Надо прекратить пить, чтобы не загоняться еще больше. Надо улыбаться, веселиться, надо попрощаться с квартирой и стабильной жизнью так, чтобы не было жаль. Ведь раньше, в ту ночь, я это умела. Просто раствориться до основания в толпе, чтобы не слышать собственного голоса, забыть о соб-

ственной личности.

Тусовка – это способ несуществования.

Поэтому я буду пить, буду слушать идиотскую музыку, буду говорить.

Да-да, я видела новый выпуск. Тебе реально понравился новый сезон? А ты когда впервые закурил? Помню, в прошлый раз, когда мы так тусовались… Да, он реально хорош. Нет, не смотрела. Блин, оставь эту песню. Ты как будто украл ее из плей-листа моего бати. Где я могла тебя видеть? О, ты тоже ее знаешь? Уже был там? Блин, не могу вспомнить. Я так хотела пойти, но не получилось. Да-да, там я и работала. Февраль в Москве – отдельный вид ада. Луи Си Кей? Ну, это сложная история. Не знаю, как к этому относиться. Нет, не была. Думаешь, стоит пойти? Осталось еще выпить? Что? Твой однокурсник реально выпрыгнул из окна?

Болтовня, болтовня, болтовня. Бессмысленная. Да, займи ею свой мозг, генерируй разговоры, генерируй веселье. Шутки, контент, вопросы. Займешь их, займешь и себя. Надо поймать это ощущение, надо потеряться.

А какую музыку ты слушаешь? О, а ты чем занимаешься? Реально? Как интересно! Да, мне кто-то что-то рассказывал. Я? Да ничего такого. И че, какие планы на лето? Спроси у своей мамаши. Дебильная шуточка. У тебя проблемы? Узнали? Согласны?

Ты веселая, Тома. Ты нормальная. Ты обычная, Тома. Все умеют разговаривать, все умеют веселиться. Ты тоже уме-

ешь. Давай, покажи им.

О-о-о, я так давно не слышала эту песню. Выйдем, покурим? А как вы познакомились? Видел это? Слышал то? А вот это? Ну как в той шутке. Есть сигарета? Есть зажигалка? Не, я не юзаю. Просто не особо нравится.

Теряйся. Теряйся. Теряйся.

Ты на этой тусовке, чтобы забыть некоторые вещи:

– ты пьешь антидепрессанты, которые не стоит мешать с алкоголем;

– завтра тебе будет негде жить;

– ты нищая;

– у тебя нет нормальной работы;

– уже несколько лет у тебя тяжелая форма депрессии;

– ты стендап-комик;

– они убили твою веру в дружбу;

– ты ненавидишь этих людей;

– но себя ты ненавидишь больше.

В какой-то момент кто-то пытается приготовить еду и жарит макароны. Слава пишет номер банковской карты на стене. Еще кто-то рассыпает пакет муки. Сгорел сарай, гори и хата, поэтому я беру эту муку и разбрасываю по всей кухне, швыряя на Саву, на глупых девчонок. Они подключаются, затягиваются в мой движ. Все визжат, орут, снимают сториз. Вот вам контент, получите, держите. Я устрою на своей – хаха, уже не своей – кухне праздник этих индийских красок, как он там называется. Без разницы. На моем празднике бу-

дут только белые краски.

Я хочу все уничтожить. Все испортить. Хочу сделать хоть что-то.

– Эй, тебе помочь?

В таком состоянии опьянения выпадают звенья. Из логических цепочек. Цыпочек. Логические цыпочки. Каламбур – низшее проявление юмора. Звено исчезло, я в ванной. Меня тошнит, кружит, фокус отсутствует.

– Давай умоемся, красотка, – голос у нее такой нежный, заранее материнский. Эта фея, что поставила меня на ноги, будет самой лучшей матерью на свете.

Она сует мою голову под кран, и уши закладывает водой. Отчего-то я вспоминаю крещение. Меня крестили слишком поздно, и я, к сожалению, помню инстинктивную панику, когда тебя окунают в таз.

– Меня крестили после первой попытки покончить с собой. Видимо, мама испугалась, что в следующий раз я действительно доведу дело до конца, и, волнуясь за мою душу, решила меня покрестить. Просто уморительно. Ведь самоубийц не отпевают, они сразу попадают в ад.

Я разогнулась и поняла, что сказала это вслух. Более того, я сказала это вслух той самой волшебной Иве.

– У одного комика была шутка… Не помню, как его. В общем, надо прыгать с крыши, потому что когда ты делаешь первый шаг, то уже совершаешь грех самоубийства. Так вот, он шутил… как же его зовут, а? Так вот, шутил, что надо

прыгать со священником, но это священник, нельзя, чтобы он умер, и, пока вы летите, исповедоваться, то есть признаться в грехах. А священник – он же священник – должен быть с реактивным ранцем[10].

Ива и ее лазурные глаза. Ива и ее идеальная смуглая кожа. Ива и ее идеальная улыбка. Ива улыбается. Более того, она смеется, очень громко и заразительно.

– Я весь вечер пыталась тебя выловить, Тома.

– Что? Меня? Ты? Идеальная ты – выловить меня?

Господи, она же трезвая. Она просто катастрофически, невероятно трезвая.

– Подожди, ты знаешь, как меня зовут?

– Я была на твоем выступлении две недели назад в «Весле», все не могла вспомнить, где я тебя видела. У тебя очень постироничное выступление.

– Да, я многое из него хотела бы постирать.

Ива чуть щурит глаза. Мне кажется, что она слишком долго думает, прежде чем улыбнуться.

– Говорят, что каламбур – низшая форма юмора, так как не нагружен смыслом и вызывает меньше реакции.

– Ты разговариваешь как робот, – я хотела сказать это с долей восхищения, но у Ивы лицо будто треснуло. Что-то в нем дернулось из-за этой реплики.

– Ты вся в муке. – Она несколько раз отряхнула мою одежду. Что-то всегда сжимается внутри меня, когда человек под-

[10] Шутка Ильи Озолина из шоу «Двадцать два комика».

ходит слишком близко или проявляет внимание, независимо от того, что это за человек.

Между нами повисла какая-то странная неловкость, которая бывает, когда долго собираешься что-то попросить и никак не можешь. И удивительно, что эта неловкость исходила вовсе не от меня, а будто бы от Ивы.

Я слишком много анализирую для того, кто столько выпил.

– Сава говорил про кафе. – Разумеется, я хотела сказать что-то более осмысленное, но Ива поняла.

– Да, я разрабатываю концепцию кафе. Постироничное кафе. Оно будет называться «Чаек-кофеек».

Какое идиотское название.

– Постироничное? Мне всегда казалось, что постироничным называют просто что-то недостаточно смешное.

Ива задумчиво склонила голову набок.

– Нет, постирония находится на стыке иронии и искреннего высказывания. Знаешь, когда признаешься в любви, но при этом добавляешь пару идиотских шуток про мать того, кому ты признаешься.

– Вау. Это же моя жизнь.

– Это моя тема для диссертации.

– Ты сейчас шутишь?

Ива отхлебывает пива, которое все это время было в кармане ее ультрамодного оверсайз-комбинезона, и с сомнением смотрит на дверь. Я понимаю, что она опасается, как бы

кто-то не вошел и не прервал нас. Кажется, Ива нашла во мне интересного собеседника и не хотела, чтобы стихия тусовки меня увела. Но, возможно, я все это придумываю.

Я сажусь в сухую ванну, и Ива как-то скромно улыбается.

– Я пишу о развитии комедии, постиронии и метаиронии. Сейчас я на главе «Эволюция комедийных приемов на различных видеохостинг-платформах».

– Типа комедийные приемы вайнеров?

– Объект моего исследования – «Инстаграм», «Вайн», «Мюзикали», «Коуб» и «Тик-ток». Я слежу, как менялась комедия, ее взаимосвязь с функционалом хостинга…

Господь, если ты слышишь меня, знай, что, породив на свет божий Иву, ты уничтожил самооценку тысячи женщин.

– Твою мать, это ж должно быть дико интересно.

– Скорее, страшно занудно. – Она даже покраснела.

– Я прежде никого не встречала, кто занимался бы юмором так… Точнее, я сама занимаюсь юмором, у нас есть разгоны, мы постоянно треплемся о комиках, но… никто из нас толком не знает, что такое постирония. Точнее, мы часто шутим о постиронии, но…

Ива пожимает плечами.

– Я только недавно начала работать над диссертацией, но если тебе интересно, могу дать почитать черновики.

– Да, конечно! Я бы очень хотела!

Вблизи оказалось, что Ива умеет смущаться. Она всегда крутилась на орбите общих тусовок, и я никогда не видела,

чтобы она опускала глаза в пол.

– И… если ты вдруг захочешь, я хотела бы обсудить с тобой развитие стендап-индустрии в России.

Я округлила глаза.

– Необязательно сейчас, можем как-то выделить день, выпить кофе, когда тебе будет удобно, я подготовлю вопросы…

Выделить день. Удивительная вежливость. Ива создает иллюзию, что я действительно занятая-крутая, хотя на самом деле я либо торчу в «Весле» непонятно зачем, либо репетиторствую всяким школьникам, либо жалею себя. Вот и все мое расписание.

– Да, конечно, с удовольствием, это очень интересно…

Две пьяные девушки в ванной в разгар тусовки. Это либо начало порно, либо начало дружбы.

Обычно пьяные откровения приводят к чувству неловкости или отрывочным воспоминаниям, но уж точно не к продолжению общения. Редко бывает так, что пьяный треп на кухне поднимает ваше знакомство на новый уровень. Максимум вызывает малую долю взаимного уважения.

Хочется верить, что этот вечер действительно был особенным. И он был, потому что в обычной квартирке, в обычной ванной оказалось два, ну ладно, как минимум один необычный человек.

И в ту ночь в основном говорила Ива. Вкрадчиво, совсем не так, как с пацанами в барах или в шумных компаниях. Весь ее ночной монолог вызвал у меня ассоциацию с пер-

вым стриптизом девственницы, словно с каждой репликой она оголялась все больше и больше. Робко, неловко, но целеустремленно, с явным намерением к концу сеанса содрать с себя еще и кожу.

– Мне с детства поставили Аспергер. Это такая…

– Форма аутизма, которая помогает казаться интересной. И еще оправдать, почему ты терпеть не можешь разговаривать с людьми. Стой, извини, я просто пошутила.

Я всегда обращаю внимание на то, как люди смеются. Наверное, для меня это самое главное. И Ива смеялась… задумчиво. Она будто пропускала шутку через все свои невидимые мыслительные процессоры, чтобы в мозгу на ярком экране высветилось: смешно / не смешно. Будто она принимала решение, смеяться ей или нет, и от этого ее смех становился еще ценнее.

И она посмеялась. С паузой, с расчетом, но с очаровательными ямочками и идеальными белыми зубами.

– Да, ты права. Поэтому я мало кому говорю об этом. Просто решила признаться, чтобы тебе было понятнее. – Она посмотрела на меня слишком серьезно, так серьезно, что у меня мурашки пошли по коже. – Я не умею шутить. И вообще не понимаю шуток. С самого детства. Точнее…

Она провела ладонями по коротким темным волосам. Она говорила это так трагично и душещипательно, а я все не понимала, где тут драма. У кучи людей нет чувства юмора. Его нет у половины комиков, которых я наблюдаю ежедневно на

открытых микрофонах.

– Точнее, я как раз понимаю шутки. Когда я слышу шутку, то тут же ее… препарирую. Я понимаю, какой это прием. Это рефрен, литота, драматизация, шаблон, мем, постирония. Я училась этому, очень долго училась. Потому что, если у тебя Аспергер, тебе сложно разговаривать с людьми. Я как будто… не как будто – это действительно так, я разбиваю их на категории, на схемы. И когда я была в пятом классе… Знаешь, эта педагогическая штука насчет смены иерархии в пятом классе. До четвертого на вершине пищевой цепи будет отличник, система ценностей коллектива – пятерки. И я хорошо справлялась с этим, была довольно популярной только потому, что оказалась немного умнее остальных. Но в пятом классе уже нет четко закрепленной структуры коллектива, начинается пубертат, и система ценностей меняется. Теперь король тот, у кого больше всего круг общения.

Я понимала, о чем она говорит, ведь моя история школьного лузерства примерно такая же.

– И я стала следить за популярными мальчишками. Они шутили. Много шутили. И я училась у них.

В ответ на это мне захотелось щелкнуть пальцами и крикнуть: «Я тоже!» – но лучше ее не перебивать.

Боже, не верится, что Ива мне исповедуется.

– Я… я чертила схемы. Выписывала их шутки. Смотрела много комедий, выступлений старых и новых комиков, родители не разрешали, и я смотрела их втайне. Какое-то время

они думали, что я трачу весь интернет-трафик на порно, а не на Comedy Club. Я училась, правда, я хотела победить, хотела быть на верхушке иерархической пирамиды. Не потому, что мне нужны были друзья. Нет. Мне со всеми было скучно. Просто я считала, что быть успешной – это правильно.

«Быть успешной – это правильно». Сколько правильных девчонок с такой установкой я знаю и почему никак не могу привить ее себе?

– И… это отработанная шутка: когда я говорю о феминизме, я говорю о пятом классе. Я отчетливо помню, как Витя Пономаренко, двоечник, который сел рядом со мной, чтобы списывать, украл мою шутку. Когда пошутила я, – неважно, что это была контекстная шутка с хорошим потенциалом, – меня будто никто не услышал. А он повторил ее тут же, буквально через секунду, и все, каждый, каждый в классе засмеялся!

Ты ведь даже не подозреваешь, Ива, что своим монологом проходишься по всем моим болевым точкам. Что от каждого слова, от каждой детали твоей биографии в моем мозгу будто все сводит судорогой от болезненных воспоминаний.

– А потом… Знаешь, я называю это чертой нормальности. Какой-то точкой, когда ты понимаешь, что не такая. Не такая в плохом смысле.

– Не такая из разряда: мне будет очень плохо и тяжело по жизни.

Ива кивнула.

– И пусть все детство врачи и родители говорили мне, что я как раз не такая, осознала я это куда позже.

Она говорит об этом, и я вспоминаю свой рюкзак, заполненный антидепрессантами, которые сегодня я так и не приняла. Эти коробки и рецепты, которые я параноидально прячу в старую упаковку от прокладок и всегда, абсолютно всегда таскаю с собой, опасаясь, что кто-то увидит.

– У меня был парень – просто идеальный. Мы встречались… со старшей школы и были как лучшие друзья. Речь уже шла о свадьбе, мне действительно было с ним хорошо. И… Неважно, что было. Важно, что как-то раз мы легли спать, и он спросил меня… я до сих пор помню, как он шкодливо улыбался, прям как тот мальчик, который украл мою шутку. Он спросил: «У тебя есть какой-нибудь грязный секрет?»

Мне нехорошо. Мне не нравится эта история. Это такая история, после которой не сможешь смотреть на человека как прежде.

– Я ответила, что нет. Я думала. Я правда пыталась найти какой-нибудь секрет, но он знал их все, и, честно говоря, я не особо интересовалась «грязью». Я даже порно никогда не смотрела… – Она резко дернула рукой, как будто пыталась сбросить с себя что-то.

Ива смотрит мне в глаза. Слишком пристально. Этот взгляд будто вдавливает глазные яблоки мне в череп, не давая вырваться.

– И когда задаешь подобные вопросы, то обычно ждешь, что его зададут и тебе, потому что ответ уже готов. И у него был ответ.

Остановись, Ива. Останься той красивой девочкой, за которой я подглядывала в барах и которой завидовала.

– Он сказал… Он говорил это и хихикал. Сказал: «Я думаю, у тебя очень милая сестра».

Не понимаю.

– Я подумала, что это шутка. Точнее, я знаю, что у меня милая сестра, все считают ее милой.

– О нет. – Я закрываю рот рукой, будто смотрю фильм ужасов.

– Он сказал: «Она мне нравится. В этом смысле. Вы мне одинаково нравитесь».

Какой ужас.

– Сколько вы встречались?

– Года… четыре. Дело не в цифре, нет.

Позже Ива расскажет мне о цифрах, расскажет, какое успокоение они ей всегда давали. Как становились ее точкой опоры. Маленький Принц был прав: взрослых волнуют только цифры.

Но только иногда цифры не волнуют. Они шокируют.

– На тот момент моей сестре было двенадцать.

Я выдавила из себя «твою мать» и закрыла рот рукой. Так я реагировала, когда смотрела видео, где болезненно и тупо падают люди. Я чуть не рассмеялась в тот момент, правда,

едва-едва не рассмеялась. Потому что, когда я не знаю, как реагировать, я смеюсь.

– И я рассказываю это потому, что тогда решила, что это шутка. Ведь я никогда не понимаю, что именно является шуткой. Табуированные шутки о педофилии довольно модные у многих комиков…

Я ее не слушала. Потому что сама уже думала, как пошутить на эту тему. «Я настолько неудачница, что моему парню понравилась моя сестра, а у нее даже лобковые волосы не выросли…» Прекрати, Тома, это не смешно. Ну смешно же. Ты отвратительная, это трагедия, а не шутка, это…

И тогда я впервые задумалась: кто хуже: тот, кто делает ужасные вещи, или тот, кто пытается над этим посмеяться?

Ива не плакала. Не страдала. Она говорила, и я слушала вполуха. Откровенно говоря, остальное я помню плохо. Антидепрессанты и алкоголь сильно подрывают память. А может, эта история стала для меня настолько важной, что вытеснила все остальное.

Потому что идеальная-идеальная, красивая, уверенная, добрая, искренняя Ива, которая осталась на следующее утро, чтобы помочь мне отмыть все от чертовой муки и окурков, помогла найти квартиру и даже подкинула работу, – эта Ива в прошлом пережила ад. И этот ад ее не сломал, не превратил ее в меня. Этот ад сделал ее такой, что создавалось ощущение, что вся ее жизнь – сказка.

И, как выяснилось впоследствии, ее жизнь и правда была

сказкой. Она жила в центре Москвы, в светлой квартире в минималистичном стиле, с высокими потолками, она гладила рубашки, ела овсянку, занималась йогой, писала свои эссе о юморе и улыбалась так, что замирало сердце. Она работала в компании, которая проводила курсы по саморазвитию, читала лекции, бегала на учебу, даже делала маникюр в салонах и куда чаще сидела с вином в ресторанах в окружении таких же красивых подружек, чем в рюмочных.

И если бы не история Ивы, я бы запросто оставила ее в лично выдуманной категории «люди-йогурты». Без токсинов, пребиотиков, жиров и ГМО. Светлые, мягкие, вкусные, полезные. Правильные. Люди-йогурты все из себя позитивные, всегда чистые белые кроссовки, свернутый коврик для йоги, пересказы лекций TED[11], постоянное саморазвитие. Люди-йогурты – я встречала их в метро, встречала их в кофейнях, где они почему-то всегда сидят со светлыми ноутбуками с горящим яблоком и пьют раф. Они никогда не приходят в такие места, как «Весло».

Я всегда посмеивалась над ними, потому что понимала: я никогда не смогу стать такой, как они, я слишком сломанная.

Но Ива ведь как-то смогла, и я надеялась, что она меня научит.

---

[11] TED (аббревиатура от *англ.* technology, entertainment, design; технологии, развлечения, дизайн) – американский частный некоммерческий фонд, известный своими ежегодными конференциями.

Давайте остановимся тут. Мы болтаем, мы обнимаемся, мы обмениваемся пьяными комплиментами, и это ужасное антиновоселье становится точкой, как мне тогда казалось, с которой начинается невероятная дружба.

Но, как я уже говорила, меня зовут Тома, и я коллекционер. Коллекционирую разочарование.

Не забыть после этой тусовки:
– выпить утром «Новакс»
– убрать муку
– историю Ивы
– Иву
– подписаться на нее в «Инстаграме», а не сталкерить каждый день
– шутку про «Овощное жарево»
– шутку про игру на кифаре
– собрать свои вещи
– надежду

Глава 2. Сырные наггетсы

Моя цель – забыть о боли.

Смеяться над болью, уменьшать боль, дразнить боль.

Все это – смех.

Джим Керри

– Мои родители постоянно ставили мне в пример старшую сестру. Мама постоянно ругалась: «Почему ты не можешь быть как Рита?» Вот только Рита умерла при родах. – Короткая проверенная шутка, бьет наповал. – И я говорю: «Мам, ну я ж не настолько плохая». Вот недавно мой однокурсник вылетел из института. Ну не совсем из института, из общаги. Буквально. – Короткая пауза, чтобы подогреть внимание, и совсем беспечное: – Выбросился из окна.

Первую секунду, даже меньше, смех пробивается будто из тяжелого и плотного комка совести, чтобы расцвести и раскрыться полным букетом. Именно так и происходит, когда дело касается того, что большинство называет «черным юмором».

Я же называю это единственно верным способом выживания.

– Так он еще учился на коммерции, по мне, так это деньги на ветер.

Вторая волна смеха, когда сознание уже уловило общую

направленность шуток, когда все понимают, что именно их ждет, и смех звучит куда радостнее и свободнее. Я называю это «раскрепощающий смех». Смех под лозунгом «смотри, какая я мразь, и мне за это не стыдно». Мой любимый вид.

Только здесь можно забыть, насколько ты подонок, и посмеяться вдоволь, растворившись в гоготе других подонков. Никаких осуждающих взглядов, никакой ярмарки тщеславия. Здесь мораль забывается быстрее, чем сама хохма.

Да, я хотела бы задержаться на этом моменте, чтобы показать вам контраст. Начнем заново: после антиновоселья прошел год, стендап-клуб, но уже «Гагарин», набитый людьми, три огромные махины камер, кусочек тени режиссера, который покачивается на самом уголке сцены. Вы видите в основном одно и то же: публику, полный зал, грим, три слоя тонального крема, слышите пулеметную очередь хохота, отработанный, отскакивающий от зубов текст, мудрую, высчитанную паузу. Поэтому я и хочу начать с этого, а не с пустых дохлых баров, где раз в неделю проводят открытый микрофон, не с трясущихся рук, невыносимо неловкой тишины, не с меня, в конце концов, нервной, дерганой и неуверенной, с карими глазками, бегающими из стороны в сторону в попытке найти хоть одно радостное лицо.

– Я считаю, что в мире есть два великих изобретения: влажные салфетки и «инста-сториз». Господь, спасибо за «инста-сториз»! – восклицаю я, прижимая микрофон ближе ко рту, чтобы звучать громче, и чуть сгибаю колени. –

Господь – сто процентов женщина, если решил придумать «инста-сториз». Я так и представляю: ее бросил какой-нибудь парень, с которым они провстречались, ну, от силы семь дней. И она такая: м-м-м, как же мне показать, что я счастлива, но чтобы ненавязчиво? Землю я создала, но вышло как-то хреново. Варить мыло? Тоже нет. О, точно! «Инстаграм»! – Смех, смех, смех. – И она снимает на видео темную комнату, где звучит громкая музыка, и ставит подпись «тусим». Я сама так делала, когда впервые рассталась с парнем. Боже, я прикладывала столько усилий, чтобы показать, насколько мне плевать на него. И мне, конечно, правда было абсолютно плевать. Настолько, что я поступила в магистратуру и защитила докторскую на тему «Смотри, как мне на тебя плевать, придурок. Аналитика».

Люди смеются по разным причинам, и Ива постоянно шлет куски из своей диссертации на эту тему, но, по мне, их можно свести к двум категориям: когда происходит что-то непредсказуемое и, наоборот, когда происходит что-то предсказуемое. Во втором случае смех выступает как радость узнавания. И я вижу пару лиц, чьи улыбки так и не смыкаются. Они знают: сейчас пойдет коронное – мой бывший.

– Не могу сказать, что мой бывший – бездушная тварь. Нет, он относился ко мне с душой. Я бы даже сказала, с душком.

Я даю им то, что они хотят. Даю им наихудшую версию их самих, даря успокоение, ведь они еще не венец человеческой

отвратительности. Они хотят видеть меня глупой, мстительной, параноидальной, неспокойной. Такой, какими не могут видеть себя. В этом задача комика.

Сейчас кажется, что лучше и быть не может. Запись передачи на кабельном, я на пике своей привлекательности. Ну, как сказать, пик моей привлекательности – это детская горка на раздолбанной площадке во дворе. Два метра пластиковых ступенек и быстрый спуск. От красивой женщины во мне меньше, чем от симпатичного паренька из восьмого класса в каком-нибудь селе. Но силами моей подруги Ивы, сворованных образов из Интернета, силами «АлиЭкспресса», храни его господь, я выгляжу очень даже сносно. А большего мне не надо. Женщина-комик не должна быть красивой – это известный факт. Она должна быть чудаковатой. Да ладно уж, на голову отбитой.

На это я и намекаю своим внешним видом: заправленные за уши дохлые, вытравленные волосы, выкрашенные в серый цвет, с отросшими темными корнями; белая растянутая майка, черные подтяжки, огромный серый кардиган, чтобы спрятать запястья; коротковатые широкие джинсы с высокой талией, скрывающие неуклюжую вытянутость фигуры и пухлость от антидепрессантов и, наоборот, демонстрирующие розовые носки в желтый банан. Иногда, но не сегодня, я ношу огромные круглые очки в тонкой оправе, для моего треугольного лица это наилучший вариант. Да, чем богаты, тому и рады. Ни фигуры, ни выразительного лица, ничего

такого, чем можно похвастаться в «Инстаграме». Но я считаю, что это к лучшему. Природная красота сильно упрощает жизнь, но в итоге лишает мотивации. Будь у меня задница и грудь, то я могла бы закончить как моя бывшая подруга Дана: в коммуналке, на четвертом месяце, продавая свою мочу дамам, которые хотят подзаработать денег, вымогая у своих парней на аборт. Отличная бизнес-схема – кстати, я ее и придумала.

– Если бы мой бывший был мороженым, то это было бы «мудак-флурри». С мудачьей крошкой и сиропом со вкусом мудака.

Парень за камерой, Артур, кипишует и машет руками, напоминая, что материться нельзя.

– Знаете, мы с ним практиковали БДСМ. Наше стоп-слово было «я люблю тебя». А в конце он меня не спрашивал: «Ты кончила?» – а просто говорил: «Ты конченая». Потом выяснилось, что он вообще не знает, что такое БДСМ, это я думала, что мы мистер Грей с Анастейшей, а на деле он просто меня ненавидел и не знал, как об этом сказать.

Красная лампочка предупреждающе мигает. Время вышло. Я обхватываю микрофон на манер рок-звезды и произношу последнее:

– Вообще, если вы хотите взглянуть на моего бывшего, просто вбейте в «Гугл» «перламутровый» и выберите картинки. У меня все.

Смех смешивается с аплодисментами, я стремительно

ухожу за кулисы и слышу какие-то однотипные комментарии своих коллег, быстро гаснущие в эндорфиново-адреналиновой дымке. Я не знаю чего-то такого, что вызывало бы похожие ощущения, ведь в жизни я не делала ничего мало-мальски достойного. Нет никакого примера той дозы адреналина, эндорфина, счастья и гордости, которые возникают в процессе выступления и сразу после. А ровно через мгновение, конечно же, появляются разочарование и усталость.

Потому что, когда сходишь со сцены, у тебя в голове только одна мысль: «Хочу еще».

Все мы – отчасти наркоманы. Только наш наркотик не выкопаешь под деревом в лесу и не закажешь на «Торе»[12].

– Твое выступление придется покромсать, – миролюбиво замечает Артур, самый симпатичный из нашей кодлы. – Мы ж записываем, материться нельзя, малыш.

Он настолько хорош собой, со своей изящной небритостью, что я прощаю ему пренебрежительное «малыш». Тем более что это прозвище так прочно впилось в меня, что фиг я от него избавлюсь.

Это не лучший мой материал, но комедия в жизни и комедия на камеру – диаметрально противоположные вещи. Телевизионная комедия – окоченевший труп беззубого юмора безвременных наблюдений. Никаких импровизаций, откро-

---

[12] Tor (сокр. от *англ.* The Onion Router) – система прокси-серверов, позволяющая устанавливать анонимное сетевое соединение, защищенное от прослушивания.

вений и взаимодействий со зрителем. Все отработанное, выверенное, одобренное, проверенное, четкое, словно солдатский марш.

Мне двадцать один, мое тело – образец несуразности и нескладности, я высококвалифицированный лузер, но уже год – в основном составе стендап-клуба «Гагарин» в Камергерском.

Если бы мне пришлось написать автобиографическую книгу, то она бы называлась «Как проебать свою жизнь. Пособие для чайников». Завалила ЕГЭ, не смогла никуда поступить, ни дня не проработала на нормальной работе, даже СНИЛС не оформила, живу с тремя мужиками, больше месяца не заводила отношений, но зато я смешная.

Вот моя история вкратце, если не вдаваться в подробности.

Которые, вы, в принципе, уже знаете. Я была в московской тусовке, знала Славу и Саву, которых с того антиновоселья и не видела, у меня есть подруга Ива, и она помогла мне изменить мою жизнь.

– Молодец, малыш. – Борис, пузатый, с мерзкой бородкой и умными глазами Стивена Фрая, не отвлекается от своего телефона, произнося это. В одной руке у него трубка от кальяна, в другой – телефон и зажженная сигарета. Выступившие прячутся в пустом банкетном зале, залипая в телефонах и экономя силы на конец съемок, чтобы потом напиться вдрызг и по привычке практиковаться в остроумии. Напро-

тив него сидит уже знакомый Гоша, которого Борис как ветеран не переносит. Юры с нами больше нет, и Гоша нашел себе новую фигуру комедийного отца.

Все, конечно, взбудоражены запуском шоу, только я держусь пессимистичной ноты и добавляю к этим съемкам бесконечное «но». Но это кабельный канал; но это наши первые съемки; но нам спонсировали только три первых эпизода и так далее, и тому подобное.

Ива помогла сделать крутой ребрендинг. Все цеплялись за легенду «Весла», чтили память, но двигаться дальше было некуда. Пришла Ива, сменила вывеску на stand-up-клуб «Гагарин», завела им ютуб-канал, научила записывать подкасты, а дальше уже эстафету подхватил Артур – и та-дам, мы снимаем первый сезон. Мне до сих пор кажется, что все, что он делал, он делал, пытаясь впечатлить Иву.

Большинство комиков считает венцом карьеры явление в ЖК-иконе у кого-нибудь на кухне, меня к подобному дерьму никогда не тянуло. Гоша, к примеру, параллельно снимает свои «тик-токи» или что-то там еще, Борис пишет сценарии к ситкомам, я же держусь сцены, и ничего, по сути, кроме нее, мне не нужно. Я даже не тешу себя надеждами, что мои бывшие одноклассники включат телик, увидят там меня, а потом резво найдут в «ВК» и начнут извиняться напропалую. Уж тем более я не надеюсь, что мама, которая осталась на даче в Пушкине, под Санкт-Петербургом, начнет мной гордиться. Вообще, может, я и не цепляюсь за телик, пото-

му что у меня нет никого, кому мой успех покажется чем-то важным.

Я давно уяснила, что прыгать выше головы слишком больно, что я отношусь к тому малому проценту миллениалов, у которых сроду не было амбиций и желания мало-мальски прославиться. В мою пирамиду Маслоу входит не так много вещей, а на ее верхушке – чужой смех. Семья, карьерный рост и все, за счет чего можно самоутвердиться, – это не мой вариант.

Моя мама говорила: «В жизни есть три важные вещи: семья, работа, месть». С первыми двумя все понятно, под третьим пунктом она явно имела в виду папу, с которым развелась вечность назад. Мой же шорт-лист главных вещей в жизни выглядел бы так: 1) смех, 2) смех, 3) сыр. Вот она, краткая диаграмма моих ценностей. Звучит не шибко впечатляюще, да?

Большинство женщин-комиков любят хвастануть феминизмом, желанием изменить индустрию, куда-то прорваться, устроить где-то революцию, но быстро затыкаются, когда находят того, кто готов выслушивать этот бред ежедневно. Знаю, видела своими глазами за два года работы в клубе.

– Как Ива? – спрашивает Гоша, стараясь скрыть в этом невинном, казалось бы, вопросе легкую озабоченность и личную заинтересованность. Борис не удержался и противно усмехнулся, выпустив из ноздрей две тонкие струйки дыма. Пепел сигареты, которую он так и держал в руках, осыпался

на керамику. Гоша бросил на него короткий испытывающий взгляд. Его плечи напряглись в ожидании колкой реплики от ветерана, пока я тоскливо рассматривала фруктовую тарелку.

– Да супер. Помогает мамочкам делать из их «инстаграмов» образовательную платформу.

– Да? – делано удивился он. – И как бизнес?

– Мнимое интеллектуальное превосходство продается лучше всего, – с видом знатока прокомментировал Борис, будто у него был в этом опыт.

Иногда Ива подкидывала мне подработку. Я правила посты всяких околопсихологов, успешных карьеристов и lifestyle-блогеров, добавляя шуточки для разогрева, и получала скромный гонорар.

– Вы же вроде вместе жили.

– Я жила с Даной. Она забеременела, и мы решили, что так будет лучше, – натянуто оправдывалась я, протягивая руку к трубке кальяна. Борис делал вид, что не замечает.

– Что? К неудачной карьере стендапера можно добавить еще и такую же карьеру лесбиянки? – поинтересовался Борис.

– Да, в отличие от тебя, лесбиянка я никудышная.

Борис поднял голову и посмотрел на меня, подняв брови, будто пытаясь понять, что именно я сказала.

– Да, Томик, ты способна на большее, – разочарованно протянул Борис, – чем подобные шуточки.

– Если б это были шуточки, – заметил Гоша. – Так у кого ты теперь живешь?

– Если б ты снизошел до открытых микрофонов по пятницам, а не подписчиков в инсте накручивал, то знал бы, что сейчас я живу у Артура, Ишхана и Гарика.

– А. А я еще по сториз подумал: что-то ты часто у них тусишь.

– Ага. Весь месяц. Ежедневно.

– Да, хорошо, что хоть Артур тут! Единственное светлое лицо, – произнес Борис, намекая, что наша крошечная квартирка в Люберцах – армянское гетто бывших кавээнщиков и только Артур – пример явного славянина, со светлыми глазами и русой бородкой. Хотя от Артура стоило ожидать больше всего проблем, с его лайфстайлом донжуана. Школьная жизнь научила меня никогда не доверять красивым мальчикам. – Артур, конечно, молодец, устроил все это. – И Борис обвел взглядом помещение, напоминая, что это он выбил нам контракт. Хотя было невозможно забыть об этом, весь последний месяц произнося из раза в раз: «Ну, Артур, конечно, молодец».

Томительное ожидание неизвестно как перешло в кутеж из тридцати человек, половина которых – выступающие, а половина – друзья, близкие, общая тусовка, в которой я варилась уже год, с прошлого лета. Мы смаковали съемки, обменивались хохмами, творили всякую фигню. Мы чуть не разнесли чертов банкетный зал, и, пока не закрылось метро,

уже треть первоначального состава двинула на нашу квартиру. Я плохо помню все события не только из-за алкоголя (после антиновоселья я пью только вино и в очень умеренных для комика количествах), но и потому, что это происходило так монотонно часто, что вся романтика попросту выветрилась. Но мы приложили много сил, чтобы на этот раз все выглядело хоть каплю иначе.

Наш маршрут рвано шел по точкам: вино – виски – водка – пиво. Кто-то заперся в туалете на полтора часа, видимо, для интимного разговора, кто-то побежал в ближайший магазин покупать сигареты и выпрашивать алкашку после одиннадцати вечера, пока я, Ишхан, Артур и Борис тратили последние силы на поддержку интеллектуальной дискуссии. Борис как образцовый шовинист затеял тему феминизма, настоящий инквизиторский костер, в который щедро подкидывал бревна главный альфач Артур (другое бревно пьяно лезло к нему целоваться, и мы уже не пытались запомнить всех этих жертв лесопилки). Ишхан накинул тему новой субкультуры «винишко-тян», всячески пытаясь разъяснить, кто это, что это и как к этому подкатывать, пока Борис вводил нас в курс этногенеза девчачьих субкультур, начиная с эмо-герл и заканчивая всеми забытыми тэпэшками. Выбора у меня особо не было, я уже заранее по половому признаку была вовлечена в эту беседу.

– То есть, – размахивала я бокалом «Изабеллы», – быть женщиной и пить вино за двести рублей вне дома уже стано-

вится субкультурой?

Повисла неловкая пауза, парни закивали головами, заменяя доводы массовостью.

– Раз уж мужики начали делить девушек на условные категории типа «винишко-тян» и «тп», то предлагаю делить и их тоже. Да даже делить особо не надо, одной достаточно – ебланы.

Говорить это было необязательно. Откровенно говоря, я совсем так не считала, просто знала, что аудитория от меня этого требует. Чтобы наш прайд существовал, каждый должен выполнять свою функцию. Мне досталась роль сучки-феминистки, которая имеет право возмущаться, но ни в коем случае не обижаться. Иначе станет «слишком девочкой». Такая роскошь мне непозволительна, если я хочу быть своей в доску.

– Сексистка! – выкрикнул Гоша в шутку, пока Артур скривился и что-то затараторил.

– Ты как-то неправильно произносишь слово «секси», – тут же не растерялась я, но никто особо не посмеялся. Старая и всем знакомая шутка американской классики.

– Ой, малыш, да у тебя просто мужика нормального не было, – наконец Артур произнес нечто членораздельное, но абсолютно бессмысленное.

– Привет, у тебя тоже, – тут же ответила я, ловко перекидывая руку Гоши на плечо Артура. Гоша не растерялся и чмокнул парня в щеку. Все рассмеялись. Артур как альфач

не терпел шуток, касающихся его хрупкого конструкта самолюбия.

– Вот ты все время говоришь про своего бывшего, а бывшего этого никто никогда не видел. – Артур начинал выходить из себя, поэтому плавно, но довольно безобидно переходил на личные оскорбления.

Шутки про бывшего – придумка Ивы. Может, Ива не слишком хорошо понимала юмор, но ее гениальный мозг умел находить болезненные и популярные темы. Откровенно говоря, я долгое время копила материал оскорбительных шуток, буквально всю жизнь, но только Ива помогла найти им форму.

– Не, как же, был этот… – Борис принялся щелкать пальцами, пытаясь вспомнить имя. – Ну тот, который на батарейках.

Парни дружно, больше из солидарности, гротескно рассмеялись.

– Он, кстати, передавал тебе привет, сказал, что скучает по твоим габаритам. – Я ущипнула его за свисающий жирный бок. – С тобой он чувствовал себя свободнее. С тобой? Я хотела сказать «в тебе».

Несколько гостей присоединились к нашей компании и довольно заулюлюкали. Подходите! Подходите! Бесплатное шоу в самом разгаре!

– Ой, малыш, не сучись, – пытался влезть Артур, понимая, что теряет лидерскую позицию.

Меня уже конкретно разнесло не столько от вина, сколько от самой компании и сути этой компании. Мы должны праздновать наш триумф, строить планы на будущее, поздравлять друг друга, гордиться друг другом, говорить, какой Артур молодец, что выбил этот контракт на съемки, а в итоге слились в банальный недорэп-баттл и обмен колкостями на такие избитые темы, что от них уже тошно. Кто-то периодически спрашивал: «А где Ива?». Ива работала, и, откровенно говоря, я не хотела, чтобы она сегодня была здесь. Это мой день. Мой триумф.

Я еще раз наполнила бокал. Уже не чувствовалось атмосферы праздника, смех становился сардоническим, и мне казалось, что я снова на работе.

– Кстати, а вы знали, что выражение «без сучка без задоринки» идеально описывает секс с Артуром?

Все снова рассмеялись, бревно, повисшее на Артуре, нахмурилось, а сам объект шутки напряженно стиснул кулаки, но улыбнулся через силу.

– Странно, вчера ты говорила совсем иное.

– О боже, ты мог сказать что-нибудь менее банальное?

– Это нокаут, – добродушно отметил Гоша, сочувствующе потрепав Артура по плечу. – Лучше вовремя сдаться, братан.

– Да, неудовлетворенная сука на антидепрессантах – босс не нашего уровня.

Все замолкли, понимая, что колкость перешла границу дозволенного. Мы не против почмырить друг друга из спор-

тивного интереса, любим по-дружески сыпать отменными оскорблениями, но негласные правила у нашей бойни все-таки были. Я чувствовала растущую во мне тяжелую трещину обиды и, честно говоря, шока. Он выдал то, о чем никто знать не должен, то, что я тщательно скрывала. В горле запершило, очень хотелось расплакаться, стать девочкой, а не комиком. Хотелось, чтобы каждый почувствовал себя неловко, ощутил жалость, презрение к себе, извинился, в конце концов. Но я только сделала глоток вина после долгой паузы и ответила с кривой ухмылкой:

– Как хорошо, что ты наконец-то просек, кто здесь босс. Я девочка. У меня нет права на слабость.

Это было чистым враньем, простая дежурная фраза, служащая щитом, помогающая выскочить из этой затяжной тишины. И все уцепились за нее, чтобы наконец-то сменить тему на более нейтральную. Слава богу, Гарик выкрикнул из другого конца комнаты:

– Да я не трахался с Рождества Христова!

Ниже женщины по статусу был только мужик, который не трахается. Все переключились на него.

– Блин, Том, ты мне как женщина скажи, – начал Гарик. После таких фраз обычно ничего хорошего не следует. – Вот где сейчас молодежь знакомится? Миллениалы, точнее.

Всю свою молодость Гарик провел в браке и вот недавно с удвоенным энтузиазмом стал открывать для себя мир свободных.

– Миллениалы сейчас знакомятся в серотониновой яме. Ну или в тиндере. Разница невелика.

– Ну вот на какие аккаунты в тиндере ты ведешься?

– Ведусь, пф. «Тиндер» – это секс-каршеринг, Гарик. Там не на что вестись.

– Ну кого ты лайкаешь?

– Слушай, да у меня даже ни одного свидания оттуда не было. Я просто тупо с ними переписываюсь, пока не пойму, что все они капец какие скучные.

– Но лайкаешь ты кого?

Я вспоминаю бесконечную череду «Тиндер»-профилей, которые будто заменили мне какой-нибудь спиннер или вязание.

– Блин, в «Тиндере» как будто есть шаблон. Вот я в кальянной, вот за рулем автомобиля, вот почему-то не смотрю в камеру, вот без футболки, вот с собакой. А еще почему-то, хрен знает, почему, у всех есть фотка из Москоу-сити. Сколько бы я в Москоу-сити ни была, ни разу не видела таблички «фоткаться на тиндер здесь», – все смеются. – Короче, идеальный шаблон такой: одна фотка красивая, одна – успешная, но не слишком, и две смешные. А, ну еще описание.

– Блин, Том, давай ты мне аккаунт оформишь как женщина, поможешь мне. Нужно такое описание, чтобы сразу в постель. Я даже заплатить готов.

У всех сразу появился интерес.

– Ну давай. – Я вытянула руку для телефона. Гарик важно передал его мне, и всю последующую часть ночи мы оформляли ему аккаунт.

Фоток у Гарика было не густо, выбрали самые загадочные и черно-белые. В качестве успешной фотки сошел кадр со съемок. Подпись сделала такую:

«Стендап-комик. Угощу пивом, проверю на тебе материал, если не засмеешься – угощу еще и ужином. Шучу. Или нет. Вот и выясним».

Остаток вечера мы обсуждали, как «Тиндер» убил культуру свиданий, и в целом делились опытом глупых переписок и тиндер-дейтов. Затем парни стали обсуждать, как лучше фоткать свои причиндалы, устроив из этого настоящий коллоквиум, где подробно рассмотрели свет, ракурс, масштаб и лучшие приложения по обработке фото. Затем активно пытались узнать мое мнение, как у единственной оставшейся на вечеринке девушки. Мое мнение – вообще не фотографировать гениталии, а особенно не делать этого, обмотав их фольгой, как сделал Гарик. Как он объяснил: это что-то новенькое, креативное, позволяет выйти за рамки классических дикпиков[13]. Барышня фотку не оценила и предсказуемо не отвечала ему неделю. И Гарик почему-то решил, что будет очень смешно спустя семь дней написать ей «я просто думал его запечь» и добавить «в тебе». После этого его за-

[13] Дикпик (dick pic) – фото гениталий, которое мужчины присылают женщинам, обычно малознакомым, и внезапно.

несли в черный список.

Утро, начавшееся в три часа дня, разумеется, было тяжелым. Только по пьяни можно разместить десять человек в трехкомнатной квартире. Я каким-то чудом спала с Гошей на кресле в гостиной. Мы проснулись почти синхронно, глупо уставившись друг на друга сальными, заспанными лицами. Вчерашний мейк неровно растекся по лицу, я так и отрубилась в джинсах и свитере, а под ногами стоял грязный высохший бокал. Не говоря ни слова, я отправилась в ванную, а он – на кухню.

Окончания вечера я решительно не помнила, но могла предположить. Я либо отключилась перед отходом первых гостей, либо после. Может, с кем-то спорила о политической ситуации и судьбе России-матушки, обычно такие темы оставляют на десерт. А под десертом тут подразумевается высохшее, жесткое, никому ненужное печенье, которое жуют, когда на кухне совсем голяк.

Было паршиво как никогда, и я все никак не могла выяснить, почему эта паршивость казалась такой невыносимой. Чувство стыда смешалось со вчерашней фразой, которая все звучала в ушах: «Сука на антидепрессантах» – неужели такой меня все и видят? Более того, неужели такой я и являюсь? Все свое недомогание я списала на алкоголь, выпила таблетку «Новакса» и, натянув более или менее приемлемое выражение лица, вышла к парням. «Новакс» – чтобы поднять настроение, седативы – чтобы снизить тревожность.

Все просто.

Сил хватило только умыться и почистить зубы. Ишхан и Гарик сидели за маленьким столом, а Гоша пялился на холодильник, как будто что-то могло образоваться там из воздуха.

– Даже пельменей замороженных никто заранее не догадался купить? – жаловался Борис, почесывая пузо.

Проверила телефон. Сообщение от Ивы:

«Как все прошло?»

«Да классно, я довольна».

«Ты шутила про аборт или про мертвую сестру?»

«Про мертвую сестру. Не знаю, как-то само получилось. Но все равно все прошло хорошо».

«Главное – что ты поймала волну и выступила».

«Ага. У меня даже колени не тряслись».

«Отпраздновали вчера?»

«Если хочешь спросить, надралась ли я в щи, – то нет».

«Но ты пила?»

«Вино не считается».

«С таблетками плохо сочетается».

«Ива, выключи мамку».

«Ладно, ладно. Хотела тебя порадовать».

Файл: меню «Чаек-кофеек».

Нейроконвертики

Круассан с подставным кремом (для параноиков)

Рогалик «ну не накручивай»
Киш-шиш с маслом
Димедролл-шприц
Бутират с ветчиной и сыром
Седатив под шубой
Кома-лайт
Кислорожный коктейль
Фенозепанини
Валокаркаде
Мелаттенин
Кофе во френч-депрессе
Панкейк-атака

«Дизайн-дичь. Ставлю лойс», – отвечаю я и с удовольствием пересматриваю макет меню.

Идея с постироничным кафе затянулась надолго. Владелица кофейни Я. Д. наконец-то дала добро, чтобы наше меню появилось хотя бы в первую неделю открытия. Я придумала его для Ивы каким-то очередным девчоночьим вечером.

Я смотрела на него и ощущала гордость. Мои шутки в меню. Невероятно, куда может завести стендап-комедия.

– У метро есть «Бургер Кинг», – напомнил Гарик, проверяя свой телефон. Скорее всего, вчера он звонил бывшей жене, а теперь хочет понять, что именно ей наговорил. Гарик внешне больше походит на того, кого объявляют в уголовный розыск. Лицо неприветливое, отчужденное, он улы-

бается реже всех нас, но зато его юмор – это настолько отточенный годами стиль и полное посвящение себя образу, что даже простое «привет» из его уст вызывает истерический хохот.

– А из девочек никто не остался? – спросил Ишхан. Ишхан, в отличие от Гарика, больше напоминает милую дворовую псинку с кривыми зубами, которую подкармливаешь возле метро. Он чем-то напоминал мне того парня Диму, который подарил мне шутку про «овощное жарево». Я помню всех, кто дарит мне хорошие шутки.

– Остались. В спальне у Артура, – мерзко улыбнулся Борис, закидывая в кружку три использованных пакетика «принцессы Нури», – мой тройничок, – этой же кружкой он указал на стену, за которой была спальня Артура, – тройничок Артура.

И как по заказу мы услышали стон. Я, Ишхан и Гарик пусть и привыкли к громким наигранным стонам за стенкой, но каждый раз чувствовали себя в значительной степени смущенными и убогими. Позавтракать было решено в «Бургер Кинге». Не из-за Артура, конечно, а из-за сырных наггетсов.

Интересный факт, сыр – это прямое доказательство того, что Господь любит нас.

Я не знаю ничего лучше сыра. В любой ипостаси: твердый, мягкий, творожный, сливочный, жидкий, сладкий и горький. Я люблю его в любой форме, люблю его запах, структуру и

вкус. Это мой личный сорт героина. Я и дня не могу прожить, не употребив его хотя бы трижды.

– Они называются медальоны, – сказал Борис по дороге, – а не наггетсы.

– Ну если они – медальоны, то я не откажусь носить один на цепочке вместо крестика.

– Подарю тебе на день рождения, – хохотнул Ишхан.

– О боже, может, в этот раз у меня будет нормальный день рождения.

– Если ты так любишь этот сыр, то, может, потрахаешься с ним! – якобы грозно возмутился Гарик, это была его личная фирменная шутка. Он предлагал потрахаться и с новым свитером из овечьей шерсти, и с промокодом для «убера», и даже с Уголовным кодексом РФ.

Я сразу подлетела к кассе, пока Ишхан и Гарик искали свободный столик.

– Здрасте, можно сырные медальоны? – я произнесла это настолько мило, насколько было возможно. Какой-то нерусский за кассой вопросительно посмотрел на меня.

– Простите?

– Сырные наггетсы. Сыр во фритюре. Сыр, – я начинала выходить из себя. У меня чертово похмелье, в таком состоянии вообще очень сложно быть милой.

Нет, я не агрессивная сука, напротив, я пытаюсь быть флегматичной, но у меня есть медицинское разрешение на редкие вспышки агрессии. Увы, сейчас так и произошло.

Тем более что вчера и позавчера я пропустила седативы, чтобы не валиться с ног на выступлении.

– Сырные медальоны, – повторила я. Выражение лица сотрудника «Бургер Кинга» всегда вызывает либо отвращение, либо жалость, но сейчас эта жалость была обращена ко мне.

А затем он произнес фразу, с которой и началась моя личная катастрофа. Катастрофа, благодаря которой я потеряла работу, друзей, Москву, уехала в крошечный датский городок следить за депрессивным парнем, которого ненавидела с девятого класса. Фраза, которая уничтожила все.

Он сказал:

– Мы больше не продаем сырные наггетсы.

Глава 3. Мыш (кродеться)

Моя жизнь – это ставки на спорт.
Моя жизнь – это 1xbet.
Моя жизнь – это 15 секунд.
Моя жизнь – я не могу нажать «пропустить».
Эта реклама закончится, но после нее ничего не начнется.
Когда-нибудь я заживу по-настоящему.

– Известно, что отличительные черты эпохи постмодерна – имплицитное и эксплицитное цитирование, аккумуляция и повторение, стремление к плагиату, к игровой интертекстуальности[14], отказ от понятий «оригинальный» и «аутентичный». Интертекст, отсылки, рефрены становятся не только инструментом для акцентирования внимания на нынешнем времени, но и выражением благодарности креатора (автора) своим кумирам. И все же главная функция плагиата в постмодерне – это игровая и ироничная подача, способ насмешки над действительностью и уникальностью. Но из-за чего отсылки так важны сейчас? Бум информации сделал рефрены (отсылки) куда значимее. Человек как никогда радуется чему-то знакомому, обитая в бесконечном потоке гене-

[14] Интертекстуальность – общее свойство текстов, выражающееся в наличии между ними связей, благодаря которым тексты (или их части) могут многими разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

рируемой информации. На этом контрасте эффект узнавания усиливается и становится едва ли не доминантным. Отсылка – подмигивающий креатор, доказательство того, что объект творчества обитает в том же инфополе, что и потребитель этого продукта. Эффект узнавания – имитация близости, которая необходима в эпоху цифрового одиночества. Именно благодаря этому и зародились мемы. Первоначально мемы были похожи на комедию Менандра[15]. Одни и те же персонажи с закрепленными ролями отыгрывали свою роль в различных ситуациях. – Ива показывает на экран ноутбука. Мемы моих школьных лет. Трололо-фейс, криво нарисованные рожи, дурацкие шутки про школу. – Закрепленные роли, Ололо-тян, герои, которые становятся лишь отображением некоего стереотипа и эмоционального состояния, превращаются в иллюстрации «жизненных» сюжетов. Сюжеты разнятся, по факту перед нами простые комиксы, где вербальная составляющая (текст) является доминирующей, а визуальная (образы) – упрощается. Но дальше сторителлинг отходит на задний план, и доминирует визуальное. Мем деградирует. Посмотрим на следующий этап. Закрепленная роль, текст, – мем с Омской птицей, конспирологическим динозавром, пингвином-социофобом. – История неважна. Важна роль. Мы видим, что у каждого персонажа есть закрепленная цветовая палитра, маска-иллюстрация и подходящий

[15] Менандр (342 – ок. 291 до н. э.), афинский драматург, единодушно признаваемый выдающимся автором новой греческой комедии.

для роли текст. Пингвин-социофоб не может позволить себе текст Омской птицы. Четкое соблюдение функции – отличительная черта юмора постмодерна. Но дальше мем обезличивается, он теряет персонажа и становится только приемом. – Мем про томографию мозга. Мозг светится все ярче и ярче, на последней стадии мы видим чистое сияние просвещенного человека. Ива показывает два одинаковых слайда. На первом – оригинальный текст к каждой стадии развития мозга: Александр, Санек, Сашок, На посошок. На последнем —))) —))0)—)(“*)—}]]0_8.

Я больше вслушиваюсь не в то, что говорит Ива, а в шум сверла. Смотрю, как грязный строитель, рассыпая повсюду крошку штукатурки и побелки, делает дыры в стенах будущего первого постироничного кафе «Чаек-кофеек». Ива жила в пяти метрах от места и иногда помогала параноидальной владелице кофейни Я. Д. следить за рабочими. Периодически и сама Я. Д. влетала сюда с истеричным воплем, отмачивала странные шутки и всем своим поведением будто пыталась показать: смотрите, какая я странная. Как, например, двадцать минут назад, когда она открыла стеклянную дверь с ноги и внесла два огромных пластиковых стакана.

– Знакомтес, – специально неправильно произнесла она, – мсье кокосовый фраппучино, – и жестом конферансье поставила перед нами калорийную бомбу.

На каждом стаканчике было написано: So$i. Ива сразу же начала рассуждать, метаирония это или постирония, пока я

пробовала коктейли. На вкус это было как воткнуть трубочку в коробку «рафаэлло» с легким привкусом кофе. Очень жирно, сливочно, слишком сладко, я прямо чувствовала, как с каждым глотком у меня вскакивает новый прыщ. Я. Д. ушла так же громко, как и появилась. Я вдруг поняла, что шум дрели мне нравится больше человеческой речи.

– Мы можем подставить любой текст под готовый шаблон или любой набор символов, как на слайде, и он будет считаться смешным. Отсылка работает. Этимология ясна. Визуальное доминирует над вербальным. Но дальше. – Она щелкает картинку. Текст: «мыш (кродеться)».

Услышав что-то новое, знакомое и понятное, я отвлеклась от созерцания стены и вгляделась в черный глаз-бусину мышки, в ее лапки. Мне почему-то показалось, что она откуда-то убегает. От себя, например.

– Метаирония. Парадоксальная ситуация: термин «метаирония» впервые использовал Марсель Дюшан[16], когда говорил о таком направлении, как реди-мэйд[17]. Но этот термин не был закреплен за каким-то понятием. То есть термин появляется раньше, чем его значение, и появляется первоначально в интернет-среде. Так что такое метаирония? Это постирония без отсылки. Это навсегда утраченная этимоло-

[16] Марсель Дюшан – французский и американский художник, шахматист, теоретик искусства, стоявший у истоков дадаизма и сюрреализма.

[17] Реди-мэйд – техника в разных видах искусства, главным образом в изобразительном, при которой некоторые объекты или тексты, изначально созданные не с художественными целями, преобразуются автором в собственное произведение.

гия, отсутствие логики, невозможность понять шутку. Можно только отреагировать. Мем от концепции двигается к аффекту. – Она сделала паузу и стала бормотать: – Постирония: ведет себя как мем, но не выглядит как мем. Его субверсия иронична. Субверсия – это нарочитый подрыв комедийного штампа. Пример субверсии: «Эту девочку звали Альберт Эйнштейн…» Метаирония: не ведет себя как мем и не выглядит как мем. Так, у меня была где-то схема и для этого…

Я не слушаю. Мне все равно. Мне плохо.

Мои пальцы автоматически возвращаются к «Твиттеру», моему скромному, ничего не значащему лайку, затерявшемуся среди тысячи других на одном конкретном посте.

Заголовок: «Посетительница “Бургер Кинга” набросилась на сотрудника, потому что он отказался продавать ей сырные наггетсы».

Как говорил комик Артур Чапарян, «я делаю это не ради лайков, я делаю это ради репостов».

Три дня славы. Сто тысяч ретвитов. Моего лица не видно. Меня нет.

Кто я такая? Сто тысяч ретвитов.

– Тебе не кажется, что это слишком лирично или путано? Я сама еще не поняла инструментария терминологии.

– А?

– Ты меня слушаешь?

Я уже слышала про «мыш кродеться». Все хорошо.

Мне кажется, не хватает научной базы.

Я не могу сфокусироваться. Мои мысли разбегаются. Точнее, не разбегаются. Их нет. Или есть. Как будто ребенок взял весь пластилин разом, скомкал в один тошнотворный коричневый комок и запихнул его на место моих мозгов.

– Тебе плохо?

– Мне не плохо. Мне невыносимо.

– Все норм. Ты пьешь таблетки?

– Да.

– Хочешь пойти со мной на йогу?

– Ты серьезно, Ива? Серьезно? Думаешь, мне поможет йога? Я глотаю таблетки «Новакс». Ты ведь даже не знаешь, Ива, насколько это уморительно. Я знаю твою страшную травму, знаю твою черту нормальности, но ты мою – нет. Ты вообще ничего обо мне не знаешь.

– Я могу спросить у своей подруги о психотерапевте.

– У меня нет денег на психотерапевта, поэтому я и смотрю «тик-токи».

– У тебя депрессия.

– У всех депрессия, Ива. Нашла чем удивить.

Сложно говорить о провале, не ссылаясь на то, что происходило всю следующую неделю. Это настолько провал, что я сидела перед пустым вордовским файлом в квартире у Ивы либо в недостроенном «Чайке-кофейке» и думала, как весь этот кромешный ад можно подать мало-мальски смешно. Пищевая цепь комедии начиналась с личного страдания, лирического приукрашивания и только затем шутки. Но в ос-

нове всего лежало страдание. Разве я не говорила, что каждый комик – отчасти мазохист? Вру, совсем не отчасти. Целиком и полностью.

Почему я решила стать стендапером? Потому что, как оказалось, если рассказывать о своих проблемах со сцены, никто не посчитает тебя нытиком.

Но вот в чем прикол: сцену у меня отобрали. И это даже хуже, чем стать посредственным заголовком, посредственным мемом, посредственной шуткой.

– Попробуй утренние страницы, они правда помогают. Или списки дел. Тебе сейчас нужен серотонин, некое поглаживание…

– Ты говоришь как твои клиентки с образовательных курсов.

– Но это правда помогает.

– Это не помогает, это хорошо продается.

Я знаю, почему Ива завела этот разговор. Дело не в том, что она искренне хочет мне помочь, нет, дело в том, что послезавтра, в двенадцать часов дня, я должна выложить чеклист «Женщина в счастье».

«Если хочешь быть счастливой, но не можешь найти внутренний ресурс, не понимаешь, как это сделать, тогда наш чек-лист «Женщина в счастье» – специально для тебя. Мы опросили сотни счастливых и успешных женщин, среди которых: жены и матери, бизнес-гуру, актрисы и телеведущие. Мы узнали, что делает их счастливыми и как вы-

глядит их идеальный день. На основе этих ответов был составлен простой чек-лист, который поможет ввести счастье в привычку».

Самое уморительное – что это написала я. И сделать чеклист должна тоже я. Разумеется, никого мы не опрашивали, и, конечно же, ничего я не сделала. Я вру Иве, что все готово. По факту закончить это довольно просто, надо всего лишь написать что-то вроде: приготовить вкусный завтрак, выпить восемь стаканов воды, зарядка, сказать себе, что ты красивая. Наибанальнейшая ерунда, которую нужно добить до двадцати пяти штук и впихнуть в простенький шаблон, скачанный из Интернета.

И за эту фигню еще и платят.

Не знаю, сколько еще я смогу кантоваться у Ивы, но прямо чувствую, как ее терпение иссякает. Вот и сейчас она с мрачным видом закрывает свой ноутбук, берет кокосовый фраппучино и выходит на улицу. Иногда мне кажется, что в такие моменты я источаю яд, а потом сразу накатывает непереносимое, тяжелейшее чувство вины за один лишь факт своего существования, за каждый вздох рядом со здоровыми, «такими» людьми.

Ива наверняка думает, что я переживаю из-за видео из «Бургер Кинга» и трехдневной славы. Нет. В том-то и вся соль. Иногда мне просто плохо. «Бургер Кинг» – всего лишь совпадение. Мы дружно посмеялись над этим, пока я чувствовала нарастающую тревогу и страх, что все от меня от-

вернутся и запомнят как истеричку.

Но дело в том, что я оказалась только приколом, быстрозатухающим приколом, скоропортящимся, который уже на третий день покрывается плесенью.

Слава до меня так и не дошла. На мутной записи было невозможно что-либо различить, даже Борис, схвативший меня за ворот свитшота, получил больше славы. Я осталась невидимкой, а инцидент три дня провисел во второсортных мемах. «Бургер Кинг» даже обыграл это, вернув в меню сырные наггетсы, точнее, медальоны, еще и со скидкой и слоганом «Держите себя в руках, сырные медальоны возвращаются». Они вроде как даже пытались выйти со мной на связь через Бориса, но я игнорировала его сообщения. В любом случае это не сильно меня задело. Не настолько, чтобы действительно впасть в новый депрессивный эпизод. Для этого не нужны причины.

– Вот. – Ива швыряет мне блокнот, как только возвращается в кафе. Простой блокнот в клетку. – В какой-то момент меня это спасло.

Я открываю первую страницу. Черная ручка, идеальный каллиграфический почерк, ни одна буковка не вылезает за клетку. Шум стройки еще бьет по ушам.

Список хороших дел:

· покормила бездомную собаку
· пожертвовала 20 рублей в «Макдоналдсе»

· убрала за кем-то пакет на улице
· сделала комплимент бариста
· заправила постель

– Что это? – Подобным заполнены все страницы. Не каждое дело можно было назвать прямо-таки «добрым» – вряд ли «подготовилась к семинару» считается добродетелью, но прослеживался четкий учет каждого дня.

– Мне тоже было плохо, прямо как тебе. Наверное, как тебе, – поправилась она. – Я ненавидела себя и уже какое-то время подумывала о суициде. Не могу сказать, что у меня была прям депрессия, к врачу я не обращалась. Просто после разрыва я обнаружила, что вторую неделю не мою голову и не выхожу из дома. И тогда я начала вести такие списки, чтобы доказать себе: мне надо двигаться и делать хоть что-то хорошее. Я вела их пару месяцев, и мне действительно стало намного лучше.

В этом разница между мной и Ивой. Для Ивы важно быть хорошей, во всех смыслах, начиная от вычищенной квартиры и йоги и заканчивая каким-нибудь волонтерством в выходные. Для меня важно быть… никакой. Да. Никакой. И иногда смешной.

– Можешь оставить их себе.

Я не сильно верю, что это мне чем-то поможет. Откровенно говоря, я атеист в области саморазвития. Не верю в книжки из разряда «помоги себе сам», не говоря уже об этих «инстаграм»-курсах по личностному росту. Разумеется, я не

против системы «Ешь, молись, люби», но только не в «Инстаграме». Это вызывает одно лишь раздражение. Будто весь мир пытается вопить мне в ухо: вокруг все замечательное, все зависит только от тебя, ты можешь измениться по щелчку пальцев благодаря чьим-то постам. Жизнь куда жестче.

– И что мне с этим делать?

Ива пожала плечами. Не знаю, что мне нравится в Иве больше: она сама или ее Аспергер. Прекрасно, что у Ивы есть медикаментозная причина наплевать на меня. Дана, например, моя бывшая лучшая подруга, устроила бы терапевтический вечер с вином и речами на тему, какие все уроды, а я – д'Артаньян. Давно мы с ней не общались.

– Что хочешь. Вдруг это поможет.

– Я могу даже сжечь это во имя сатаны?

Ива опять думает, прежде чем рассмеяться.

– Да. Возможно, это лучшее применение моим хорошим делам.

Я запихнула блокнот в рюкзак, все еще не понимая, что конкретно мне с ним делать. Ива сидела над своим детищем, тезисным планом большой работы о «постструктуралистском анализе юмора» с трепетом и волнением, словно смотрела вскрытие трупа, вглядывалась в свой документ. За все время нашего знакомства я много раз задавалась вопросом: почему она со мной общается? Ива была родом из параллельной реальности, далекой и таинственной. Она лишь раз открылась передо мной, в первый день нашей дружбы,

а все остальное время скромно приподнимала занавес, чтобы случайно выбросить оттуда какой-нибудь факт. Ранняя юность в модельном бизнесе, травматичные отношения, поступление в вуз. Я только урывками видела ее красивых подруг и их извечный бессмысленный small-talk, видела худощавых парнишек с философского факультета ВШЭ, с которыми она общается неведомыми терминами, а потом надевает улыбку и идет к кому-нибудь посимпатичнее. Порой мне казалось, что Ива двигается в этом мире с грацией пришельца, существа высшего порядка, словно с того мема про мозг, изучая и ощупывая действительность вокруг.

Единственное, что ее волновало, – это научная работа о юморе. Она все никак не могла сузить тему. Если в начале года она писала только о таких комедийных приемах в малой визуальной комедийной форме, как «вайны» и «тик-токи», то теперь отрывки из ее диссертации, которыми она заполняла нашу переписку в «Телеграме», больше походили на замысловатую сложную энциклопедию юмора или на один большой прикол. Мы с Гариком такой заумный бред называли «категория: постструктуралистский анализ текстов песен гр. Serebro». Ива уходила в это с головой и с каждым днем напоминала бледную тень своей научной статьи. Если раньше она тратила время, чтобы над чем-то рассмеяться, то теперь сразу лезла в заметки на телефоне, чтобы записать новую гениальную мысль о метаиронии.

Мне есть с чем сравнивать. У меня было разное окруже-

ние. В стендап-клубе более или менее зрелая тусовка, двадцать семь плюс, остатки компании Пупы и Лупы, Ивино окружение, ребята до двадцати пяти. Я неожиданно заметила, надеясь сделать это шуткой, что чем они моложе, тем громче рассуждают. Гарик назвал это «напыщенной интеллектуальностью» и обосновал тем, что шаткая самооценка двадцатилетних направлена только на то, чтобы как-то самоутвердиться за счет чего-то чрезмерно интеллектуального. Только двадцатилетние ходят на артхаус, к тридцатнику мы все будем пересматривать «Голый пистолет», а может, и «Горько», потому что устанем от всего умного, разочаруемся и не будем пытаться никого впечатлить.

Мы с Гариком долго разгоняли материал про интеллектуалов. Одна из шуток заключалась в том, что попади типичный интеллектуал-миллениал на викторину, он бы не смог ответить ни на один вопрос, а только цитировал бы Ролана Барта[18] и рассуждал о «серой зоне». Я хотела обсудить это с Ивой. Ведь это ее тусовка – разговоры о Жижеке[19] и Хайдеггере[20], темы, после которых у тебя точно не встанет. Как-то раз я слышала, как Ива с одним программистом пыталась нарисовать график слов «легендарность» и «популяр-

---

[18] Рола́н Барт (*фр.* Roland Barthes) – французский философ и литературовед, представитель структурализма и постструктурализма, семиотик.

[19] Сла́вой Жи́жек (*словен.* Slavoj Žižek) – словенский культуролог и социальный философ фрейдо-марксистского толка.

[20] Хайдеггер (Heidegger) Мартин – немецкий философ, один из крупнейших мыслителей XX в.

ность» с помощью математической функции. Они оба перешли на громкий восторженный тон, будто пытались быть всеми услышаны, увидены и замечены, будто в конце рассчитывали на овации. Я же, когда пыталась осилить Славоя Жижека, который, как мне сказали, Бритни Спирс в области философии, в моей голове не было ни одной мысли, кроме: «О боже, я читаю Жижека, как бы при этом еще и не дрочить на себя, читающую Жижека».

Ива была еще не такой раздражающей, а вот ее тусовка, куда я вляпывалась совершенно случайно и всегда заменяла предмет мебели, казалась прайдом околоинтеллектуальщиков, где вместо перьев в заднице и блесток на теле были громкие слова о постструктурализме, «серой зоне» и почему-то всегда – абсолютно всегда – Холокосте. Со стороны создавалось впечатление, что они играют в какую-то замысловатую игру, но давно забыли правила и не хотели в этом признаваться. Замечала ли Ива бессмыслицу всего этого или действительно верила, что их разговоры в барах – это что-то важное, а не форма группового онанизма? Но я вряд ли когда-нибудь осмелюсь у нее это спросить.

Мы переждали ремонтные работы в кофейне, закрыли за рабочими дверь, вернулись в ее белую идеальную квартиру, которую она с заботой обставляла на мотив своих любимых журналов *Kinfolk*[21] подручными средствами из «Икеи». Она

[21] Kinfolk – американский журнал о минималистичном life-style, стиле и искусстве.

выбрала из сотни сортов чая какой-то подходящий, развернула свою чайную церемонию, где были даже пробковые подстаканники для чашек, и запустила на телефоне «Тик-ток», произнося то же, что и каждый раз:

– Во имя науки.

Мы часто так делаем. Можем видеться, сидеть у нее дома и даже не разговаривать – просто смотреть бесконечную ленту чужой тупости. Ива сидит с блокнотом и делает загадочные пометки, пока я просто над чем-то угораю.

Раньше я, как и все, скептично относилась к «Тик-току», воспринимая его только как дегенеративную сеть для танцующих подростков, которая участвовала в скандале, когда выяснилось, что среди пользователей оказалась куча педофилов. Потом я заразилась «Тик-током», как и многие. Самые лакомые, странные и смешные ролики я замечала в «Твиттере» или у кого-то в «сториз» «Инстаграма». Потом от скуки скачала приложение. «Тик-ток» стал засасывать. Я могла часами смотреть его. А потом и Ива стала подогревать мою зависимость постоянным обсуждением разных жанров.

– Ты заметила, что жанр социальных «вайнов» преимущественно мужской и соответствует определенным архетипам? История становления мужчины. На старте он неудачник, а потом успешный бизнесмен и почему-то ВСЕГДА с машиной. И, кстати, я видела в основном русский контент. В США есть жанр социальных «вайнов», ты в курсе?

– Привет. Я сделала подборку интерпретаций мема с за-

крытой дверью. Мне кажется, что есть какая-то взаимосвязь.

– Ты видела эти романтические POV[22]? Где тик-токер выступает в роли твоего парня, похитителя и тому подобное. Я подумала: может, это форма эмоциональной цифровой проституции? Где вместо эротики романтический контент. Это ли не странно?

Первое время я даже не регистрировалась, пока не вылезло странное видео. Девушка под минималистичную музыку просто лежит на полу кухни. Подпись такая: «POV: ты понял, что существование иногда бывает слишком сложным».

Не знаю, что именно меня зацепило в этом видео, но я возвращалась к нему снова и снова. Я уже знала подобное, одно из моих любимых, еще со времен платформы COUB, где мальчик такой русской уродливой зимой лежит звездой на карусели под песню «Where Is My Mind»[23]. Та же степень отчаяния, но ролик оставался смешным. В «Тик-токе» этой девушки не было ничего смешного, но меня почему-то заворожили ее отстраненное лицо, полная безэмоциональность и истощенность.

Я зарегистрировалась, чтобы подписаться на нее. Она часто выкладывала видео. Какие-то из них были забавными, какие-то – абсолютно бессмысленными, из разряда «я пи-

---

[22] POV (от *англ.* point of viev) – вид съемки, когда видео идет от первого лица. В TikTok жанр POV подразумевает, что пользователь видит ролик от своего лица, а тик-токер взаимодействует с пользователем.

[23] Песня американской альтернативной рок-группы Pixies.

наю ботинком осеннюю листву под музыку». Никогда не понимала людей, которые выкладывали в Сеть что-то совсем несмешное, бессмысленное или некрасивое, что-то слишком простое, что я вижу каждый день.

Мы как-то раз обсуждали это с Ивой. Она выразила свою теорию о том, что у каждого человека есть внутренняя дистанция между его жизнью и контентом. И когда эта дистанция короткая, то ты выкладываешь в ленту каждый завтрак, когда длинная – то умопомрачительные, сложносрежиссированные посты. У той девушки дистанция была короткой. Она выставила видео, где радостно рассказывала о свидании с каким-то мальчиком на следующей неделе и выглядела такой счастливой, что у меня сердце сжалось, будто мы знакомы сто лет. Она просила подписчиков выбрать ей наряд, снимала, как делает макияж, и даже поделилась мыслью, что ее crush[24] похож на кого-то из мультфильма Тима Бертона.

В следующем видео она сообщила, что он не пришел на свидание и везде ее заблокировал.

– Недавно я поняла, что эти тик-токеры мне как семья. Я уже все их лица наизусть знаю, так часто их вижу, – поделилась я мыслью с Ивой, вспомнив лицо той девушки.

– «Тик-ток» тем и хорош, что плотность мемов и контента создает интертекстуальное поле, иллюзию узнавания, некоего заранее знакомого пространства, – ответила Ива, словно у нее на коленях лежал учебник по «Тик-току». – Зна-

[24] Возлюбленный (*англ.*).

ешь, такая атмосфера тусовки, где вы разговариваете одними шутками из прошлого. По сути, в этом и смысл «Тиктока». Один делает, другой повторяет. Возможно, это единственная платформа, приоритет которой не оригинальность контента, а его переосмысление. Копии копий без оригинала, чистый симулякр. Субверсия.

– Человеческая многоножка юмора.

Мы залипли на добрых два часа, как бывает с просмотрами дурацких видео.

– Знаешь, какой мой любимый мем? – неожиданно прервала тишину Ива.

– Наверное, эта самая «мыш»?

– Нет. Мем с directed by robert b. weide.

– О. Я его тоже люблю. Особенно когда люди падают. Я вообще заметила, что с каждым годом все громче смеюсь над тем, как падают другие люди. Недавно рассмеялась над видео с автомобильной аварией, там девушка на три метра отлетела. Как ты говорила, эти три теории?

– Теории превосходства, столкновения и утешения. Их, разумеется, куда больше. Но это основное. Да, превосходство – это, скорее, античная традиция. Платон и Аристотель относили комедию к низшему проявлению. Аристотель вообще считал, что шутка – это форма оскорбления. Чарльз Грунер[25], в принципе, утверждал то же самое: что юмор –

[25] Американский профессор, преподаватель высшей школы речи и драмы, автор книги «The Game of Humor».

это игровая агрессия, где смех выступает проявлением реакции в отношениях победителя и побежденного. Пошутить над кем-то и посмеяться – все равно что сказать: «Смотри, я лучше, сильнее, а ты слабее. Ты упал, а я на ногах».

– Я просто люблю смотреть, как падают люди, Ива. – Иногда ее занудство все-таки может надоедать. – Так почему directed – это твой любимый мем?

– Это… антикульминация.

– Чего?

– То есть… когда должен настать кульминационный момент, панчлайн в шутке, резко появляются заставка и музыка. Человек падает, но не приземляется. Мы не видим концовки, не видим катарсиса, не видим самого болезненного. И… я люблю этот мем потому, что он как вишенка на торте. Когда играет эта музыка, я понимаю, что надо смеяться.

– Ива, пообещай мне кое-что.

– Да?

– Если меня будут хоронить, то пусть гроб опускают под эту музыку.

Это была шутка, но Ива не рассмеялась. Она приняла это всерьез.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– А еще сегодня я кое-что поняла про нашу заказчицу. Помнишь, я писала ее историю в посте?

История была затертой, драматически выверенной и, от-

кровенно говоря, такой «по-инстаграмски» шаблонной, что даже не верилось, что это правда. У нашей героини, сорокалетней блогерши, развод, пятилетний ребенок на руках и, разумеется, сложный период в жизни. Она хочет устроиться уборщицей хоть куда-нибудь, но тут ее мама решает отдать ей деньги, которые собирала на собственные похороны и дорогущий гроб.

На них наша героиня открывает частный детский сад «Скворечник».

– Я сегодня вспомнила этот пост и поняла: мама копила деньги на гроб, а доча купила скворечник – ту же коробку из дерева. Мне кажется, это просто уморительно. – Не знаю, почему меня так распирал смех, но, кажется, Иве эта шутка тоже зашла. – Мама копила на гроб, а доча сделала скворечник.

Чуть позже Ива ушла спать, а я села наобум писать чертов чек-лист про женское счастье.

Написала что-то на отвали, а потом подумала, какой чеклист был бы у меня.

И, пока я его составляла, поняла одну вещь про свою депрессию.

Иногда я вижу ее. Словно тень, которая каждый раз принимает разные формы. Стеснительный ребенок, который опасается зайти в гости и стоит в дверях.

Я смотрю на свою депрессию и говорю: я буду шутить, пока ты не уйдешь.

Иногда мне становится невыносимо плохо. Я не знаю, как это объяснить. Иногда кажется, что в горле плотина, а тело болит каждой клеткой. Болит так, будто… я – замедленный взрыв. И взрываюсь слишком долго, так, что каждая клеточка кожи медленно отрывается от другой. Органы, мозг, кости медленно-медленно идут трещинами.

Какой идиотизм. Это слишком пафосно. Слишком красиво. Я не заслуживаю такой красоты. У меня всего лишь болит тело, просто как-то по-странному болит, да и все.

Я не заслуживаю даже красивого описания боли.

Хочу, чтобы об этой ужасной ночи, когда я не могу сомкнуть глаза, когда мне слишком плохо и больно, сняли «тик-ток».

Да, я хочу быть коротким видео с дешевыми спецэффектами и дурацкой попсовой музыкой. Хочу быть шуткой, быть несерьезной.

Я не хочу быть собой. Я слишком устала.

Выдыхай, Тома, где болит. Так рассказывала Ива про свою йогу: выдыхай, где болит.

Я задыхаюсь в ужасном сухом кашле, таком, что глотку дерет, скручиваюсь всем телом и почему-то трагично свисаю с кровати головой вниз. Легкие болят, а горло будто расцарапали вилкой.

Смотрю на свой чек-лист, на свою шутку. 25/25. Уморительно. Это же смешно, смешно, да?

Теория превосходства. Смеется тот, кто победил. Тогда в

этой игровой агрессии, этом «роаст-баттле» моим оппонентом будет депрессия. И я буду, буду, буду про нее шутить.

Не знаю, как пережить эту ночь, она кажется нескончаемой. Хочу, чтобы в дом ворвались грабители и огрели меня по голове, чтобы можно было хоть как-то заснуть.

Ненавижу ночь. Ненавижу. Могу назвать кучу выдуманных причин: потому что темно и тихо, потому что холоднее, потому что нужно спать. Нет, я знаю, почему я ненавижу ночь: потому что мне не на что отвлекаться. Я наедине с собой, а хуже пытки я и не знаю.

Какое-то время я уговариваю себя заснуть, представляю перед глазами белый лист, считаю овец, глубоко дышу через нос. Но все так же больно.

Депрессия – это не приступ. Депрессия не всегда имеет причину. Депрессия – это «мыш», и она «кродеться».

Почва твоего мозга подгнивает заранее, и в какой-то момент ты осознаешь: тебе невыносимо. Но тебе и до этого было невыносимо, ты просто жил под анестезией привычки, в слепой уверенности, что с тобой все в порядке.

Сегодня я приму двойную дозу «Новакса».

Давай, Тома, примирись уже с собой и засни. Нет ничего страшного. Просто засни. Одна. Без помощи.

Но в какой-то момент я сдаюсь. Беру телефон и включаю приложение, которое будет подкидывать мне забавные короткие видосы до лютой бесконечности. Тупые, корявые, не всегда смешные. Корчащиеся дети, крикливые подростки,

идиотская музыка. Вот оно, мое болеутоляющее – чужая тупость.

На следующий день я отправилась посидеть у Бориса, в надежде, что его смурное лицо хоть как-то замотивирует меня доделать чек-лист «Женщина в счастье». На «свой» чеклист у меня ушло пять минут от силы, а над этим я сижу уже месяц.

В итоге я снова открыла пустой вордовский файл, попросила Бориса побыть моим comedy buddy[26] и разогнать материал.

– А у вас такое было? Вы пошутили про своего друга, а он лишил вас работы? – Услышав это, Борис нахмурился, хлебнул виски и сделал затяжку. Курил он прямо в комнате, используя в качестве пепельницы любые емкости: кружки с чаем, пустые бутылки, упаковки от йогурта.

– Во-первых, – ему явно претила моя компания, но вернуться в Люберцы я не могла, как и, разумеется, к Иве: слишком долго я у нее просидела, – по правде говоря, Артур никогда не был тебе другом.

Это была та истина, которую я не хотела принимать, чтобы не просрать эффект драматизма.

– Во-вторых, работы у тебя нет и не было. Как можно уволить стендапера?

– Видимо, возможно! Для меня в области проебола нет

[26] Человек, на котором тестируют наработки в шутках для будущих выступлений.

ничего невозможного! – Я всплеснула руками, пытаясь говорить о своих страданиях в праздничной, оптимистичной манере.

Борис из-за своей приличной работы сценариста мог позволить себе шикарные апартаменты, но, к сожалению, вдали от какой-либо цивилизации. Студию с шикарным и даже чуть вычурным евроремонтом он делил с сиамской кошкой Голди, на которую, как оказалось, у меня аллергия.

Краткий пересказ событий: я пришла на репетицию съемок в клуб «Гагарин» вся такая довольная и распрекрасная, набрав материала за последние полгода, чтобы проверить на режиссере и сделать выборку. Режиссер, тот самый, с кабельного канала, посмотрел на меня тем же сочувствующим взглядом, что и работник «Бургер Кинга», когда сказал, что не продает сырные наггетсы.

– Поговорите с Артуром, – единственное, что он произнес, оставив меня в полной растерянности.

Когда Артур зашел в клуб, я увидела его гадкую ухмылку и сразу же поняла, в чем дело.

Эта сука меня отстранила, прикрываясь, что я не формат, что еще не готова, что он якобы разговаривал с дирекцией канала. Вранье. Полное, мать его, вранье.

Он говорил это сквозь мерзкую улыбку, пока я не могла и пошевелиться. Я слушала и слушала, вся онемев, просто ожидая, когда это закончится.

– Тем более что тот инцидент в «Бургер Кинге…» – упо-

мянул он вскользь, но с явным удовольствием, зная, насколько мне за него стыдно.

Я с силой вдавила отросшие ногти в кожу ладоней, чтобы все мое сознание было сконцентрировано на боли, а не на его мерзкой, самолюбивой, отвратительной физиономии, не на ухмылочке, что висела как победоносный флаг.

Я пыталась внушить себе, что он прав и правда говорил с каналом, что лучше мне подождать и попозже у меня обязательно появится шанс. На одну секунду я смогла себя в этом убедить, смогла даже поверить в это, пока он не произнес:

– Тем более что, Томик, ты сама говорила, что ты босс не нашего уровня.

Он подмигнул, развернулся и ушел. Я на негнущихся ногах, прилагая массу усилий, чтобы казаться нормальной весь этот короткий променад, покинула клуб «Гагарин», остановилась у светофора и смачно разрыдалась.

Никто за меня, разумеется, не вступился. Я приехала на квартиру в Люберцах, пока там никого не было, быстро взяла вещи и хотела отправиться к Иве, но у меня не хватило смелости снова портить ее идеальную жизнь. В итоге пришлось идти к Борису. Пустил он меня с большой неохотой, по слухам зная, что произошло. Тем более что тогда, в том проклятом «Бургер Кинге», он был рядом, был единственным, кто хоть что-то сделал.

– Ты в Москве живешь, иди в другой клуб.

– Лучше «Гагарина» ничего нет! Ты же сам знаешь!

– Тогда на ТВ.

– Не нужно мне это ваше ТВ.

– Ой, вы посмотрите на нашу Тому-не-хочу-быть-богатой-и-знаменитой! Да ты просто тащишься от возможности себя пожалеть!

Я, признаюсь, с долей драматизма приняла еще одну таблетку «Новакса», наблюдая, как лицо Бориса из взбешенного становилось жалостливым.

– Том, еще неделю, окей, без проблем, можешь пожить у меня. Потом либо возвращайся к пацанам, либо к Иве. Я хотел бы сказать, что делаю это ради тебя, но нет, я делаю это ради себя, потому что от тебя любой взвоет. Прекрати уже жалеть себя и займись делом. Ну поругались вы с Артуром – отсоси ему, и дело с концом.

А потом хмыкнул и сказал больше себе:

– Отсоси, и дело с концом, а неплохо. – И пометил что-то у себя в блокнотике.

Я и сама как будто подозревала, что Артур просто хочет моих унижений, хочет сделать меня еще одной жертвой лесопилки, очередным бревном и это могло бы решить все мои проблемы. Но меня начинало тошнить от одной мысли об этом. К тому же, ну, пустил бы он меня снова в шоу, я бы смогла выступать в «Гагарине», но отношение ко мне не изменилось бы, видео с камер «Бургер Кинга» никуда не денется, мой диагноз не пройдет сам собой.

У меня была неделя, чтобы найти работу, жилье и как-то

начать жить. Я спала по пятнадцать часов и чувствовала себя разбитой, о каком чек-листе «Счастливой женщины» могла идти речь?

А затем случилось нечто совсем странное: зазвонил телефон. Раньше мне звонил только МТС, напомнить про огромную задолженность по счету. Звонили из стендап-клуба «Гагарин», и это было самым странным.

У администратора Степана явно были дела поважнее, чем работать моей личной секретаршей, поэтому он говорил с явным раздражением.

– Тебя заказали.

– Че? Как пиццу?

– Том, не знаю, пришла женщина, требует твой номер, хочет заказать.

– Я свадьбы не веду, в кальянных не выступаю, – других вариантов у меня в голове не было.

– Блин, Том, мое дело – только номер передать, дальше сама разбирайся. Ты выступать на следующей неделе не планируешь?

– Нет, не планирую, – процедила я сквозь зубы.

Записав номер, я, разумеется, позвонила не сразу. Долго пялилась на листок, муторно перебирая все варианты, кто и как может меня заказать. Мне кажется, что мой мозг просто физически неспособен предложить другие варианты, кроме каких-нибудь дурацких корпоративов и свадеб. Борис подкинул идею, что она могла быть с какого-нибудь канала, ку-

да нужны девочки-стендаперы, или, может, это на какой-то фестиваль. А потом добавил так, промежду прочим, не отвлекаясь от блокнота:

– Может, это продвинет сюжет…

Как же он был прав.

Женщина на том конце провода предложила встретиться в одной из сети кофеен, где я могла позволить себе только воду. По телефону голос казался немного взволнованным, она сказала, что у нее предложение «деликатного характера». Борис промычал: «А-а-а, всего лишь проституция».

На старую извращенку она была одновременно похожа и непохожа. Ей было явно за сорок, но она тщательно следила за собой. Худая, подтянутая, одежда дорогая, как и немногочисленные, но изысканные украшения. В ее присутствии сразу чувствуешь себя неловко за свою неопрятность. Ее аккуратность доходила до педантичности. Я не сразу подошла к ней, изучая от входа в кофейню. Она нервно поправила приборы и убрала какую-то соринку со стола, сильно изменившись в лице. Интересно, как изменится ее лицо при виде моих спутанных волос?

Изменилось, конечно, не в лучшую сторону.

– Меня зовут Диана Новак.

– Твою же мать, – шепнула я. – Извините, но нет. – Я тут же встала с места, от этой суки надо избавиться сразу. Не могла она быть никакой однофамилицей, эту семейную мерзотность в глазах я распознаю сразу.

– Тамара, прошу вас. – Она даже поднялась с места. Парочка официантов обратила на нас внимание. Я вспомнила «Бургер Кинг», поэтому все-таки спокойно вернулась за столик, просто чтобы не удовлетворять их тягу к «хлебу и зрелищам». – Спасибо, – добавила она совсем тихо, превозмогая себя. – Хотя бы просто выслушайте.

Я сама себе повторяла, что Диана ничего не знает. Прошло уже четыре года, может, даже больше. А если бы она знала, то не поверила бы. Матери физически не могут верить в ублюдство собственных детей.

– Ты помнишь Акселя? – добавила она с тревожной улыбкой, смотря мне в глаза.

Как я могла не помнить Акселя? Двухметрового змееныша с холодным, властным тоном, мутью в глазах, лицом ангела и телом Давида, с такой тьмой там, где должно быть сердце, что этому оттенку черного еще не придумали названия.

Акселя, без души, но с душком. Акселя, который, если бы стал мороженым, то это было бы мудак-флури с мудачьей крошкой и сиропом со вкусом мудака. Акселя, которого можно увидеть, если вбить в «Гугл» слово «перламутровый».

Аксель, мой одноклассник, лирический герой всех моих выступлений, человек, который чуть не свел меня в могилу и одновременно дал повод жить. Ненависть к нему – единственное, что поддерживает меня лучше всяких таблеток.

Я так много думала и одновременно старалась не думать

о нем, что для меня он перестал быть из плоти и крови, превратившись во что-то настолько личное и неотделимое, что я забываю, что он не элемент в моем организме, а, сука, человек со своей семьей и прекрасной жизнью, человек, который ходит и дышит. Хотя, судя по глазам его матушки, в последнем есть повод сомневаться.

– Помню. – Я опустила глаза, а Новак, напротив, смотрела не отрываясь.

– Дело в том, что Аксель уже долгое время страдает от депрессии.

Я не сдержала саркастичного смешка, с удовольствием подмечая, что Вселенная – жестокая, но справедливая тварина. Если раньше я злилась на нее за свои провалы, то теперь в полной мере ей благодарна. А тем более благодарна, что эта информация до меня все-таки дошла. Я ведь приложила все усилия, чтобы наши пути с Акселем Новаком не пересекались: уехала в Москву, которую он ненавидел, избегала любых связей с бывшими одноклассниками, даже уговорила маму переехать в Пушкин, дабы мне лишний раз не перемещаться по Санкт-Петербургу. Хотя, я знала, Аксель сейчас точно не в России. Но занести на родину его могло в любой момент.

– Мы перевезли его в Данию, в Колдинг, там он живет последние несколько месяцев. – Она замолкла. – Если это можно назвать жизнью.

На телефоне выскочило уведомление: выложить чек-лист.

– Подождите секунду. – Как же вовремя меня застали мои немногочисленные дела. Я зашла в «Инстаграм» продуктивной счастливой мамаши, которой делала посты последний месяц, и шустро выложила нужное.

– Да, конечно.

Мне по-прежнему хотелось встать и уйти, но, с другой стороны, тянуло узнать все подробности его «клинической депрессии» и несчастной судьбинушки.

Что такое Колдинг, я не знала. Все, что я знала о Дании, – это «Лего». Я даже не понимала, где географически находится эта страна. Зато помнила, что существует фармацевтическая компания «Новакс», владельцем которой был отец Акселя. Ее штаб был где-то в Финляндии или Швеции, в общем, на севере, и занималась она поставкой скандинавских лекарств в Россию.

И знала я это потому, что так было написано на моей упаковке «Новакса». Мама как-то сплетничала о том, что у Новаков огромный бизнес и прочее, и как же удивительно, что они учатся в нашем лицее.

А лицей был о-го-го какой. И вряд ли бы там училась я, если бы мама не преподавала английский в младших классах.

– Он не встает с постели, не покидает комнату, не разговаривает, почти не ест. – Она сжала кулаки. – Однажды он улыбнулся. Вышел на кухню за стаканом воды, мы тогда смотрели телевизор. Он остановился и улыбнулся.

Вот только Аксель не улыбается. Аксель усмехается. Подло и гадко. Когда кому-то больно или плохо, когда кому-то невыносимо.

– Тогда мы смотрели твое выступление.

А. Ну все сходится. Потрясающе.

– Тамара, – как же я ненавидела, когда меня называли полным именем, – ты такая молодец. – Она протянула ко мне руки в неосознанном жесте. Искренности в ее словах не было ни на йоту. – Проделала такой путь.

Мне очень хотелось, чтобы она остановила поток этой вымученной, жалостливой лести. Но у всей их породы маленький запас терпения на хорошие слова.

– Мы больше не можем жить в Дании из-за работы. Муж уже давно уехал, а я стараюсь остаться с Акселем, ведь кто знает, – только не разрыдайся, – что он может с собой сделать.

Она и правда была близка к слезам, но в этот момент нам как раз подали чай. Она быстро промокнула глаза салфеткой, будто боясь, что слезы испачкают лицо.

Будильник на двенадцать. Черт, забыла про чек-лист. Надо выставить эту лабуду, иначе меня уволят, а еще хуже – я подведу Иву.

– Я подумала, может, ты, твой оптимизм и призвание приносить людям радость помогут ему.

Я возмущенно вздохнула.

Она хочет нанять меня ему в клоуны?

Уведомление в «Инстаграме». Не моем, конечно, а этой «счастливой женщины». Отключу телефон, чтоб не отвлекал.

– Может, ты сможешь сделать его немного счастливее. Я ни на что не надеюсь, просто ему сейчас нужен друг.

Счастливее? Друг? Она сама себя слышит?

Аксель презирал меня. Я ненавидела Акселя. Он сожрал и высрал мою самооценку.

Счастье? С чего это? Оттого, что я стендапер?

Комик и счастье – это антиподы.

Она вообще понимает?

Индустрия шутки – безжалостная мясорубка. Фабрика по производству смеха, которая держится на топливе собственных слез. В основе каждого комедийного образа лежит личная катастрофа.

Мы вышли на бескомпромиссный уровень хохмы, осознавая, что эволюция комедии совершила круг и человек с микрофоном мало чем отличается от средневекового шута. Только тогда, подле короля, шут имел лишь внешние уродства, а мы выступаем с внутренними. По сути, если суммировать все наши монологи, в чистом остатке получится только: «Мы то еще дерьмо, но справляемся. Посмотрите, как мы пытаемся дать вам то, что не можем дать себе: пять минут беззаботного смеха».

Мы не просто жители социального дна, а его стражи. Мы оберегаем вас, живем за вас той жизнью, которая смешная

лишь на словах. Мне порой кажется, что я выжимаю из себя смех как из старой губки: ну хоть что-нибудь веселое, хоть что-нибудь обнадеживающее, дающее улыбку.

Я уже давно поняла: чем больнее, тем смешнее.

Посмотрите на нас. Гоша, сбежавший из Харькова, став предателем семьи. Борис, тридцать восемь лет, два высших образования, пишет сценарии для комедий про непутевых соседей. Артур, меняющий девушек каждый месяц, чтобы скрыть собственное одиночество и, не поверите, набрать материал для следующего опен-майка. Ишхад, разрывающийся между полноценной работой бухгалтером и комедией. Юрий – умер от цирроза печени и алкоголизма. Гарик, у которого секса не было так давно, что он уже уверен, будто это исключительно его выбор.

По сути, мы коктейль из нереализованных амбиций, самобичевания, ненависти к себе, к остальным и отчаяния в чистом виде. Привела ли нас к этому комедия или мы были такими изначально? Все равно что спрашивать: курица или яйцо. Но со стопроцентной уверенностью можно сказать, что комедия – батискаф, опускающий в самую пучину того, что наиболее презирается нами, нашими близкими и вами, публикой.

Но ради пяти минут на сцене каждый из нас готов опуститься еще ниже.

Не люди, а люмпены какие-то. И вы думаете, что мы счастливы? Что у нас есть выбор? Что мы вообще способны быть

счастливыми? Иллюзию этого недосягаемого счастья нам дарит чужой смех. Ты смотришь на них и думаешь: «Ну хоть кто-то, ну хоть кто-то это может».

– Не понимаю, – это все, что я сказала вслух.

И тогда она мне разъяснила, четко и ясно, даже выложив договор на стол. Договор! Бумажный, мать его, договор с подписями и датами. Я чуть не рассмеялась ей в лицо.

Она хотела, чтобы я месяц прожила в их летнем домике в Колдинге вместе с Акселем. В графе «обязанности» ничего не было сказано про работу клоуна. В общем-то, мои обязанности были на уровне гувернантки. Уборка, готовка, «забота об Акселе».

– Ничего сложного. Я не требую от тебя невозможного. Просто следи, чтобы он периодически ел. Попытайся с ним разговаривать, окажи поддержку.

«Этому сукину сыну?» – хотела спросить я вслух, но сдержалась.

И, разумеется, здесь был пункт о конфиденциальности. Самый что ни на есть идиотский. Будто бы я случайно узнала о его состоянии и приехала, чтобы поддержать старого «друга». Ни на что не годная легенда.

Также в договоре упоминалось, что в доме не должно быть никаких лекарств (даже простого аспирина), алкоголя, тем более наркотиков и колюще-режущих предметов. Всего, чем Аксель может нанести себе вред.

При упоминании об этом ее голос дрогнул. Видимо, ин-

циденты уже были.

Все это никак не вязалось с их красивой и обеспеченной, безэмоциональной, бездушной семейкой Аддамс, которую я помнила со школы. Никак не вязалось с Акселем: самоуверенным, самолюбивым, жестоким и тщеславным. С Акселем, у которого с пеленок все уже было схвачено, а депрессия явно не входила ни в его, ни в родительские планы.

Я спросила, принимает ли он какие-нибудь лекарства от депрессии. Женщина подняла глаза от документов и уставилась на меня. Будто я спросила нечто совсем абсурдное.

– Нет, не принимает, – строго заявила она, укладывая документы в папку. Тон был таким, что возможности задать глупый вопрос «а почему?» не представилось.

Она любезно дала мне три дня на раздумья, упомянула, что сумма уже указана в договоре, хоть и не назвала ее вслух. Спросила, есть ли у меня открытая шенгенская виза и была ли раньше. У меня даже действующего загранпаспорта не было. Это ее покоробило. Новак сказала, чтобы я не ждала три дня, а сразу отправила ей сканы паспорта, подойдет даже фотография на телефон. Наше обсуждение договора было настолько сухим и чопорным, что я даже почувствовала себя старше и совсем забыла, с кем именно имею дело. Откровенно говоря, вспоминать и не хотелось.

Если в начале нашей встречи я была абсолютно уверена, что ни за что не соглашусь, то, открыв в метро документы и найдя графу «вознаграждение», уже сильно сомневалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.